ДІАРІУШЪ

Звышгоднага мучаніка Апанаса Берастцейскага

Львоў
2007

БЕЛАРУСКАЯ АУТАКЕФАЛЬНАЯ ПРАВАСЛАУНАЯ ЦАРКВА

Парахфія свт. Кірыла Тураўскага, г.Львоў

Ад выдаўцоў.

Дыяруш (дзёньнік) звышгоднага мучаніка Апанаса Берасьцейскага выдаваўся неаднаразова. Але пераважная большасьць выданьняў ёсьць калькаваньням выданьня 1878 г. (Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 1, СПб., 1878. Столбцы 49-156.). У прадмове да гэтага выданьня было адзначана: "Диариуш" вписан в конец "Толковой Псалтири", принадлежащей ныне Московской Синодальной Библиотеке. В "Указателе" архимандрита Саввы (изд. 3, стр. 162), рукопись эта стоит,под № 113; говорят о ней также Горский и Невоструев, въ своемъ "Описании" (кн. II, стр. IV–V, 66 - 69); для истории этой рукописи могут служить следующие надписи, сделанные на первом листе: "**Сіа книжка дается пречестнѣйшему отцу Іоасафу Дранику, архимандриту Бизюковскому, ради діаріюшу блаженнаго Афа[на]сія, на Москву; а прошу о возвращеніе знову до Могилева, до насъ. Силвестеръ Троцевичъ, игуменъ. Несколько ниже: Псалтирь Толковая Ростовскаго архіереа Димитріа**".

Але, грунтуючыся на фотакопіях старонак "Дыяруша", мы паспрабавалі наблізіцца да аўтэнтычнае перадачы мовы і выразаў гэтага цудоўнага твору беларускае літаратуры першай паловы XVII ст.

а.дыякан Сяржук Горбік

Звышгодны мучанік Апанас Берастцейскі

Звышгодны мучанік Апанас (Піліпавіч) нарадзіўся ў 1597 г., у Брэсьце. Сям'я яго здавён прыналежыла да Брэсцкага Праваслаўнага брацтва. Ён атрымаў выдатную адукацыю, ведаў мовы - беларускую, расейскую, польскую, грэцкую і лацінскую. Да прыняцьця пострыгу служыў у розных месцах, у тым ліку пры канцлеры ВКЛ Л. Сапегі ў якасьці настаўніка Яна Фаўсьціна Луба, сына Марыі Мнішак, жонкі Ілжэдзімітрыя I.

У 1627 г., маючы 30 гадоў паступіў у Віленскі Сьвята-Духаўскі манастыр, адкуль яго хутка перавялі ў Купяцінскі манастыр (зараз Менская вобласьць). Па дарозе ён сустрэў калеку, нёс яго на сваіх плечах, і гэты чалавек навучыў яго няспыннай малітве.

Купяцінскі манастыр заснаваны быў на месцы зьявы 15 лістапада 1182 г. цудатворнага Купяцінскага абраза Боскай Маці. Там была ў старажытнасьці узьведзеная царква, але ў 1240 г. яна была спаленая татарамі, і цудатворны абраз 250 гадоў праляжаў ў попеле. У XV у. ён была ізноў здабыты, і на гэтым месцы быў створаны манастыр, а ў 1655 г., пасьля захопу яго уніятамі, сьвяты абраз была перанесены ў Кіеўскі Сафійскі сабор, дзе і знаходзіцца да гэтага часу. Зьмяшчаецца ён на клямары мэднага роўнабаковага крыжа.

Гэты абраз цесна зьвязаная з лёсам звышгоднага Апанаса. Калі па прыбыцьці сваім ён быў прызначаны манастырскім зборшчыкам, ён упершыню пачуў ад сьвятога абраза голас, загадваючы яму ісьці да маскоўскага цара, абяцаючы яму заступніцтва. У той жа час яму зьявіўся нядаўна памёршы ерадыякан Нямія і сказаў: "Іду і я з Гаспадаркай маёй!"

Шлях у Маскву быў вельмі цяжкі і небясьпечны, таму што была вайна, мяжа была зачыненая і усюды былі заставы. Але па дарозе было з ім шмат цудоўнага: Боская Маці зьяўлялася аднаму селяніну і сам вялебны бачыў раз іерадыякана Нямію. Звышгодны Апанас быў прыняты царом Міхаілам Фядоравічам і вярнуўся багатай міласьцінай. Па прыбыцьці ён быў прызначаны, па просьбе браціі, ігуменам брэсцкага Сіміёнаўскага манастыра.

У наступным жа году, быўшы ў Варшаве, звг. Апанас выклапатаў ад караля Уладзіслава грамату, якая пацвярджала усе прывілеі Брэсцкага брацтва і што забясьпечвала поўную волю Праваслаўнай Царквы. Але ў сьцьвярджэньні яе яму адмовілі. "Будзьце усё уніятамі, - сказалі яму, - так мы і дарма зацьвердзім!.." Вышэйшае жа праваслаўнае духавенства ў Варшаве, занятае выключна сваімі справамі, паставілася да справы звг. Апанаса з поўнай абыякавасьцю. Аб агульнацаркоўных патрэбах яно амаль не рупілася.

"О Божа правы! - піша ў сваім дзёньніку здзіўлены звг. Апанас. - Шалі беззаконьня зваліліся да самога боку, ужо не пякуцца аб праваслаўнай веры, аб сьцьвярджэньні славы Боскй, усё як быццам сарамацяцца..."

Раз у гэтыя журботныя дні, калі вялебны чытаў прад Купяціцкім абразам Боскай Маці акафіст, ён ясна пачуў ад Яе голас: "Апанас! Скардзься зараз на сойме пры дапамозе абраза Маёй Купяціцкай, у крыжы намаляванай, перад польскім каралём і дзяржавай, пагражаючы справядлівым гневам Боскім, які вось-вось наступіць, калі не адумаюцца! Хай перш гэтага

навекі зганяць унію - у гэтым самая надзённая патрэба, - і ім яшчэ можа быць добра!”

Падпарадкоўваючыся волі Прычыстай, вялебны раздаў чальцам сойма абразкі Купяціцкай Боскай Маці з “надпісаньням”, якія зьмяшчаюць у сабе пагрозу гневу і суду Боскага за абарону уніі і прыгнёт Праваслаўя, і вымавіў у абарону апошняга моцную прамову ў прысутнасьці караля. Ён падаў яму падрабязнае прашэньне, у якім гаворыць. “Калі вы замірыце Усходнюю Праваслаўную Царкву, то пажывеце гады вашы шчасьліва. Калі жа не замірыце і не зьмяцеце з твару зямлі унію, то спазнаеце гнеў Божы. Выява Боскай Маці ды будзе вам трубою і знакам”.

За гэта вялебнаму прыйшлося шмат вынесьці ад “старэйшых айцоў”, відавочна напужаных за сябе. Ён быў абвешчаны памяшаным, падвергнуты шматлікім допытам, турэмнаму зьняволеньню, пазбаўлены сьвятарства і адпраўлены на суд да мітрапаліта Кіеўскага Пятра Магілы. Там варшаўскае рашэньне было прызнана пазапраўным, а сам Апанас апраўданы. Калі ён распавёў, як яго вадзілі па горадзе ад аднаго духоўнага твару да іншага, то знакаміты прапаведнік, архімандрыт Інакенцій Гізэль, зазначыў: “Як ад Ганны да Каіяфы!”

Змучаны перажытым, звг. Апанас вярнуўся ў свой манастыр: ён шукаў толькі супакою і малітвы. Але зноў ён ясна чуе голас ад Купяціцкага абраза Боскай Маці: “Апанас! Прасі яшчэ, з дапамогай Маёй выявы, на будучым сойме перад каралём і польскай дзяржавай аб поўным зьнішчэньні праклятай уніі. Добра будзе, калі паслухаюць і зьнішчаць яе пажывуць яшчэ шчасьліва ў будучых гадах!”

Вялебны так застрашыўся, што пяць дзён не еў і не піл і не ведаў, што рабіць. Нарэшце вырашыў выканаць волю Прачыстай. Але ў лістападзе яго арыштавалі і адвезьлі напрыканцы ў Варшаву: яго западозрылі ў нейкіх выкрыцьцях, калі ён быў у Маскве. Арышт быў зьвязаны ня толькі і ня столькі з актыўнай анцівуніійнай працай звг. Афанасія, а больш з палітычнымі абставінамі. Бо ў гэты час трывалі спрэчкі паміж Масквой і Варшавай аб царэвічы Яне Лубе, былом выхаванце звыш. Афанасія. З зьняволеньня свайго ён напісаў прашэньне каралю, апісваючы ганеньне на Праваслаўную Царкву, і нагадаў абяцаньне, дадзенае ім пры уступе на пасад, замірыць Праваслаўную Царкву. Другое прашэньне яго, больш кароткае, хтосьці кінуў у карэту караля пры ім праездзе. Кароль загадаў вызваліць Апанаса, але пры умове, што мітрапаліт Кіеўскі возьме яго да сабе.

Такім чынам, да самой скону мітрапаліта Пятра Магілы ў 1647 г. прп. Апанас жыл у Пячэрскай лаўры. Але па вяртаньні яго ў Брэст увесну 1648 г. успыхнула казацкае паўстаньне Багдана Хмяльніцкага, і усе праваслаўныя былі агулам западозраныя ў спагадзе паўстанцам.

1 ліпеня ў манастыр зьявілася шляхта арыштаваць ігумена па абвінавачваньні яго ў тым, што ён пасылаў паўстанцам порах. Ніякага пораху не знайшлі, але даносчык не вытрымаў і пры усіх зласьліва сказаў гайдукам (салдатам): “Што ж вы не падкінулі мяшочка з порахам і не данесьлі, што знайшлі яго тут у манахаў?” Самі судзьдзі упэўніліся ў негрунтоўнасьці абвінавачваньня, але сталі пытаць іншае. “бо ты сьвятую унію ганьбіў і ганьбаваў!” Вялебны натхніў сябе крыжавым знакам і пацвердзіў усе свае ранейшыя словы. Яго закавалі ў кайданы і увязьнілі ў замкавай вязьніцы.

У ноч на 5 верасьня з яго зьнялі ланцугі і перавезьлі ў "абоз", гэта значыць умацаваны лагер, за горад. Перад тым да яго прыходзілі айцы езуіты угаворваць яго адступіць ад Праваслаўя, але сыйшлі, нічога не атрымаўшы, і паслалі да яго аднаго з сваіх вучняў угаворваць яго ў апошні раз. Але ён адказваў яму так “Хай езуіты ведаюць, што як ім прыемна знаходзіцца ў хароствах сусьвету гэтага, так і мне прыемна пайсьці зараз на сьмерць!” Начальнік абозу адмовіўся прыняць яго, гаворачы езуітам: “Ён зараз у вашых руках, рабіце з ім што жадаеце!”

Тады яго адвялі ў лясок недалёка ад абозу і катавалі агнём, і чуваць было, як ён грозна нешта гаварыў мучаўшым яго. Потым крыкнулі гайдуку, каб ён зарадзіў стрэльбу, і загадалі прыгатаваць яму. У апошні раз запатрабавалі ад яго, каб ён адмовіўся ад сваіх слоў. Але ён ясна адказаў: “Што сказаў - з тым памру!” Тады загадалі гайдуку стрэліць яму ў ілоб. Гайдук, знаёмы яму, устаў на калены, папытаў прабачэньне яго і дабраславеньня, а потым стрэліў. Вялебны працягваў стаяць, прыхінуўшыся да сасны. Тады загадалі скінуць яго ў яму. Ён абвінуўся тварам да неба, склаў рукі крыжом на грудзі і працягнуў ногі, і яго закапалі жывым. Потым так і знайшлі яго ляжалым.

У горадзе ніхто ў гэтую ноч не сыйшоў. “У ноч, калі замучылі нябожчыка, вялікае трапятаньне напаў на нас і на усіх мяшчан ад гэтых спраў, - пішуць укладальнікі гэтай журботнай аповесьці, паслушнікі Брэсцкага манастыра, вучні звг. Апанаса, якія сачылі, хаваючыся ў кустах, за апошнімі хвілінамі свайго настаўніка. - Ноч была ясная, не бачылася аблёкі, а маланка была жудасная і разьлівалася па усім небе...”

1 траўня, па указаньні аднаго хлопчыка, было знойдзена цела нябожчыка. Адкапалі яго уначы і на другі дзень пахавалі ў манастыры ў Сімяёнаўскам храме. Тленьне не кранула яго, але яно насіла сьляды мук і стрэльбавых куль. Твар нябожчыка учарнела ад пораху. Язык прысох паміж зубамі. “Думаем, што яго пахавалі яшчэ жывога, і гэта зрабілася з ім ад вялікага цяжару сьмяротнага. Бог дабрынёй Сваёю ды зацвердзіць нас у набожнасьці і ды пашле цярпеньне імя Яго дзеля сьвятога”, - так сканчаюць апавяданьне аб пакуце звышгоднага мучаніка Апанаса Брэсцкага яго верныя вучні.

Сьвятыя мошчы яго згарэлі ў 1816 г., але рэшткі іх спачываюць у раке ў гарадзкім Сімяёнаўскам саборы.

Ужо ў 1658 г. звг. Апанас быў вызнаны сьвятым, а ў 1666 жыцьцё было выдадзена па-польску студэнтамі Кіева-Братэрскай школы па ягонаму дзёньніку і занатоўкам ягоных вучняў. Ягоная памяць сьвяткуецца праваслаўнымі беларусамі 5 верасьня (старога стылю).

ДІАРІУШЪ

Албо списокъ дѣевъ правдивыхъ, въ справѣ помноженя и объясненя вѣры православное голошеный, волею Бозскою и молитвами Пречистой Богородици, въ недавнопрошлыхъ часехъ: впродъ у благочестивого царя Московского Михаила, потомъ у его милости короля Полского Владислава Четвертого, наостатокъ у преосвященного архіепископа, всея Русі метрополиты, Петра Могилы, и списаный презъ смиренного іеромонаха Афанасія Филиповича, на сесь часъ ігумена Берестя Литовского, презъ которого то въ монастыру Печаро-Кіевскомъ и выписуется, для вѣдомости людемъ православнымъ, хотячимъ о томъ теперъ и у потомные часы вѣдать. Року 1646 мѣсяца дня.[1]

Псаломъ 101. Повѣдѣте вся чудеса его, хвалѣтеся во имя святое его, да возвеселится сердце ищущихъ Господа, взыщите Господа и утвердѣтеся.

Въ початку исторіа, списаная одъ покорного Афанасіа Филиповича, законника чину Святого Василіа Великого, о образѣ Пресвятой Богородици, въ крестѣ изображенномъ, на небѣ одъ негожъ самого видѣномъ и Михаилу, цару Московскому, на хорогви военные въ помножене православнои вѣры, албо противъ кождому непріателеви Креста Христова даномъ (року 1638, мѣсяца марта),- въ тые слова:

Вѣдомо нехай будетъ величеству твоему, Михаиле, православный цару Московскій, ижъ Господь нашъ Ісусъ Христосъ, во всемъ на свѣтѣ рядца,- поневажъ (якъ мудрецъ мовитъ): въ руку бо Єго и мы и словеса наша, мудрость и художество и каране, - ґадивнымъ прейзренемъ своимъ, зъ Литвы, зъ монастыра Купятицкого, миля отъ Пиньска лежачого, послалъ мя зъ послушникомъ моимъ до самого царского величества, якъ бы для ялмужны на збудоване церкви Воведеніа Пречистой Богородици, въ которой то церкви образъ малый матеріею въ крестнымъ знаку, але великій въ чудахъ найдуется, о которыхъ чудахъ не часъ досконале выписовати,

[1] *У арыгінале не пазначаны дзень і месяц.*

толко вкоротцѣ потребнѣйшіе, судбами Бога, въ Тройци Святой православно славимаго, примушоный будучи, ознаймую:

Церковъ тая зъ початку (якъ естъ вѣдомость) збудована была православныхъ селянъ радою, за оказанемся на дереви образу Пречистой Богородици въ крестнымъ знаку. По спаленю оное одъ татаровъ, знову, за оказанемся въ огнистыхъ поломеняхъ тогожъ образу, на томъ же мЪстцу збудована отъ православныхъ мужей зостала. И гдѣ благословенствомъ Божіимъ Ярославови княжати князство на Турови, Пинску и иншихъ мѣстахъ и мѣстечкахъ злецоно, въ той часъ великими чудами уславилъ Ісусъ Христосъ тую церковъ Матки Своее. Што видячи, князь Ярославъ потребами достатними оную и мѣшкаючихъ при ней опатрилъ. Федоръ Ярославовичъ зъ женою своею Геленою Олелковичовною ижъ потомства не мѣлъ, зачимъ мѣста и села князства его одошли до державы кролевства Полского, и роздѣлилося князство на воеводства и повѣты.

По нѣкоторомъ часѣ, село Купятицкое зъ церковью Пречистое Богородици кроль Полскій даровалъ вѣчностю жолнерови своему мужному, наимя Григорію Войнѣ. По немъ розные владцы того села и церкви были, межи которыми церковъ тая (якъ то одъ многихъ пѣстуновъ) згола до упадку южъ се была схилила. Теды, судбами непонятого Бога, року 1628-го, збужоная Духомъ Святымь, пани Полоніа Воловичовна Соколовая Войниная, каштелянка Берестейская, зъ сыномъ своимъ паномъ Василемъ Коптемъ, каштеляномъ Новогродскимъ, старане о церкви учинивши, село Купятицкое вѣчностю зо всѣми ее приналежностями купили и заразъ при церкви законникевъ чину св. Василіа Великого послушенства всходнего фундовали, и игумена побожного одъ старшого Виленского Іосифа Бобрикевича, наимя Иларіона Денисовича набыли, который зобралъ братіи болшъ тридцати и съ тоею братіею въ винници Христовой працуетъ.

Взявши о томъ вѣдомость, святобливый мужъ, его милостъ господинъ отецъ Петръ Могила, православный метрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Русі, екзархъ святого апостолского фрону Константинополского, полецилъ му працу духовную и въ

мѣсти Пинскомъ при церквяхъ своихъ, въ тыхъ часехъ одъ унитовъ, за ласкою Божіею, одысканыхъ, бо предъ тымъ въ великомъ преслядованю тамъ были православніи одъ уніатовъ. Незадолго потомъ, въ року 1636, тотъ же святобливый мужъ киръ Петръ Могила, метрополитъ Кіевскій, листъ прислалъ и росказалъ ему ялмужны святои жебрати въ мѣсти Пиньскомъ и повѣти томъ на поправу Софіи Святой церкви катедралной Кіевскои. И гды послано гроши упрошоные року 1637 мѣсяца мая, довѣдался святобливый метрополитъ отъ посланца господина отца Макаріа Токаревского, же церковъ въ Купятичахъ чудотворная барзо южъ стара, и реклъ: ꙗа добре бы тые гроши на церковъ тамтую обернути, але жесте ихъ привезли и тутъ суть потребны; еднакъ, даю вамъ листъ универсалный, старайтеся презъ ялмужну святую реставровати оную. И гды привезено листъ до монастыра для ялмужны на збудоване церкви, ігуменъ побожный Иларіонъ Денисовичъ, учинивши раду зо всею еже о Христѣ братіею, въ той жебранини вложилъ тяжаръ послушенства на мене смиреннаго Афанасіа Филиповича, намѣстника своего тогожъ монастыра Купятицкого, зъ послушникомъ Онисимомъ Волковицкимъ. О, дивные справы Бозскіе! Заразъ тамъ въ трапезѣ страхъ барзо великій палъ на мене, и власне якъ бы одрентвѣлый сидѣлемъ у столу; до цельи моеи вшедши, защепилемся и почалемъ Богу Всемогущему оферовати ся въ томъ послушенствѣ. По малой хвилѣ, стоячому мнѣ на молитвѣ, страхъ мя такій обнялъ, жемъ утекати зъ келіи моеи порывался, и нѣякось моцью Бозскою задержаный зоставши, долго ревливе плакалемъ. Въ томъ безъ жаднои особы голосъ вдячный слышати было таковый: ꙗ Царъ Московскій збудуетъ Ми церковъ, иди до него! ꙗ Въ томъ мене якъ варомъ облито, знову почалемъ тяжко плакати, мыслячи, што то будетъ.

Року теды 1637, мѣсяца новембра, гды ми зближался часъ отъѣзду въ тую дорогу, зъ церкви, по утрени, идучи, повѣдаю о томъ голоси побожному ігуменови моему, а онъ, ухилившися на сторону троха зъ стежки: ꙗбрате милый, гдѣ тебе Богъ Всемогучій и Пречистая Богородица попровадитъ, тамъ иди. А я тутъ зъ братіею буду молитися, абысь ся до насъ здорово вернулъ. А о чомъ ты мовишъ, невѣдаю, што то будетъ,

гдыжъ и листу, одъ короля пана нашего на то даного, немашъ. Потомъ мнѣ вже идучи въ дорогу, пожегнавшися зъ братіею, вступилемъ въ притворъ церковный и полецаючися въ всемъ опатрности Бозской, ударилемъ поклоновъ килка, потомъ погледѣлемъ оконкомъ на образъ чудотворный Пречистои Богородици, али о то шумъ барзо страшный въ церкви быти здался. Онымъ я преострашоный, хотѣлемъ знагла отбѣгчи, потомъ осмѣлившися, повторе погледѣлемъ оконкомъ, мовячи: ꙗо, Пречистая Богородице, будь зо мною! А о то натыхмѣстъ одъ образу чудотворного Пречистои Богородици голосъ ретельный слышати было таковый: иду и Я съ тобою. А Неемій діаконъ, на лѣвомъ крилосѣ образомъ малеванымъ стоячи (который-то діаконъ въ молодыхъ лѣтехъ своихъ иноческихъ побожне живучи, килка лѣтъ предъ тымъ преставился отъ земныхъ), якъ бы заикаючися вымовилъ: иду, иду и я при Паніи моей! Здумѣлемся и почалемъ ревливе плакати и въ боязни быти, мыслячи, що то будетъ. Вмъхалемъ въ дорогу зъ монастыра, болшей жадное речи никому не повѣдаючи, каптуръ подшитый зъ головы спалъ, и по того не вернулемся.

Приѣхавши намъ до Слуцка, отецъ Шицикъ, архимандритъ, розгнѣвался барзо на отца нашего ігумена Купятицкого о тое, же ся его, намѣстника метрополитанского, не докладалъ, высилаючи насъ на Бѣлую Русь по ялмужну, листы одъ насъ одобрати казалъ, и презъ всѣ свята Рождества Христова въ великой насъ тръвозѣ держалъ. Потомъ преострашоный презъ сонъ видѣньемъ якимсь (якъ самъ казалъ), оддалъ листы, мовячи: чиню то для Пречистои Богородици, а не для вашого ігумена, идѣте зъ Богомъ, гдѣ хочете. Одтамтоль до монастыра Кутеенского подъ Оршу прибылисмо. Тамъ постерегши святобливого мужа Іоиля Труцевича, ігумена тамошнего, повѣдилемъ о послушенствѣ нашомъ и прейзреню Бозскомъ. Реклъ ми Дамаскина Св. слова: ꙗповѣждаются естества уставы о Дѣвѣ Чистей. Свѣдоцтва, еднакъ, до Москвы, которого просилемъ, порадившися зъ братіею, дати ми не зезволилъ; и овшеки намѣстникъ его Іосифъ Сурта реклъ: господине отче Афанасій, трудно безъ пашпорту кроля пана нашего ити вамъ на Смоленскъ и Дорогобужъ за границу до Москвы. Виленскіи чернци мѣли и пашпортъ королевскій, также

для ялможны, а много ся набѣдили. Слышачи я тое, понехалемъ южъ былъ тоее дороги до Москвы и, упросивши отъ ігумена Кутеенского карточокъ свѣдочныхъ о собѣ до протопоповъ и до братствъ православныхъ, шолемъ до Копыси, до Шклова, до Могилева и до Головчина, але мнѣ тамъ всюды ялмужны не дано: выбирано ее пилно епископови своему, господину отцу Силвестрови Косовови на справу зъ Селявою, владыкою Полоцкимъ, уніятомъ. А вернувшися я до монастыра Кутеенского, ознаймилемъ господину отцу ігумену повожене наше. И гды южъ до дому выбралисмося (власне то справою Бозскою), хути погамовати не могу ити до Москвы. Въ томъ часѣ прешедши отецъ намѣстникъ Сурта и мовитъ ми: отче Афанасій, брате милый, жаль ми тебе, же мало што справивши въ послушенствѣ своемъ отъѣждзаешъ до дому; ражу тобѣ: иди на Трубецкъ до Бранска, ачъ и тамъ зъ трудностю будетъ, еднакъ за волею Бозскою, въ столици Московской будешъ. Пало ми тое на сердцу и престалемъ на радъ. Ознаймилемъ о томъ и господину отцу ігумену Кутеенскому, который, благословячи мя, реклъ: нехай будетъ воля Божая съ тобою, и далъ ми въ своихъ потребахъ листъ до князя Петра Трубецкого.

А такъ пустилемся въ тую дорогу, о имени Ісусъ Христовомъ, на Пропойскъ, на Попову Гору, на Стародубъ до Трубецка. И заразъ буря повстала, же и свѣта видити не было, и не толко съ полудня до вечера, але и всю ночъ въ заметахъ кружачи и блудячи, мало - мало въ течайнѣ Днѣпровой (снатъ, душного непріателя перешкодою) не потонули. За Пропойскомъ, на ночлегу въ селѣ, мнѣмалемъ на санехъ моихъ, же хомутъ лежитъ, а то былъ несъ: такъ мя за руку уѣлъ! А въ томъ зъ невчасу огонь опановалъ, же маломъ одъ того живота не пострадалъ. Въ Поповой Горѣ, конь въ ночи зшолъ зъ господы, чили тежъ хто его былъ взялъ зъ господы; а гдымъ ся о немъ рано пыталъ и до двору о томъ удатися хотѣ, теды мало насъ не позабріано. Въ Стародуби, на запусты, пяници много насъ турбовали, еднакъ одъ всего згола Ісусъ Христосъ и Пречистая Богородица безъ шкоды насъ заховала. Въ Трубецку, князь Трубецкій молодый, мянуючися быти стражникомъ, подъ великимъ каранемъ заказалъ, абымъ не йшолъ за границу до

Бранска, мовячи: што я вѣдаю подъ той часъ погрому козацкого. Што вы справуете?? Зачимъ вернулемся вже былъ назадъ до дому, толко хотячи быти въ монастыру Човску, въ полмилѣ одъ Трубецка, тамъ ѣхалемъ. Приѣждзаючи подъ гору, гдымъ пѣшо ишолъ оподаль предъ конемъ, молячися Господу Богу и Пречистои Богородици, натыхмѣстъ страхъ великій мене опановалъ, ажъ заволалемъ голосомъ барзо: Боже мой и Пречистая Богородице, змилуйся надо мною, што то дѣется! Въ томъ здало ми ся, якъ бы послушникъ мовитъ: на што помочи людскои потребуешъ, иди до Москвы, я съ тобою! Гдымъ ся злучилъ зъ послушникомъ, пыталемъ его, што до мене мовилъ? А онъ одповѣдилъ: ничогомъ до тебе не мовилъ и, овшемъ, фрасуюся на васъ, же ся дармо волочимъ.

Взышлисмо на высокую гору до монастырка того Човска, а привитавшися зъ братіею, ознаймую, жемъ ся былъ запустилъ прейзренемъ Бозскимъ до Москвы для ялмужны, але ми неспѣшно одповѣдилъ старецъ еденъ: ꙗне дойдешъ, господине отче, подъ той часъ трвожливый погрому козацкого, але если естъ съ тобою (якъ мовишъ) справа Бозская, то можно дойти, иди еще до Новогородка Сиверского, до воеводы пана Петра Песечинского: добра твоя будетъ, если каже перепустити, бо теперъ тутъ стражъ всюды великая естъ. А такъ съ того монастырка приѣхалисмо на ночлегъ до села названого Великая Зноба. Тамъ на господѣ, гды всѣ спали, въ полночи самой прийдетъ на мене страхъ барзо великій. Здало ми ся, якъ бы хто гонитъ зъ немалымъ гуфомъ, шукаючи мене на страчене, и мовятъ: ꙗестъ, естъ, онъ тутъ. А гды тое троха утихло, я господара, потиху обудивши, ничого ему о томъ страху неспоминаючи, просилемъ, абы насъ тогожъ часу на дорогу Новогородскую навелъ. И гдысмы ся вже пустили на пущу, бѣдую, не вѣдаючи, гдѣ и куды ѣду, зачалемъ пѣснь спѣвати Пречистои Богородици акафистовую овую: ꙗвозбранной воеводѣ побѣдительная и пр., "аллилуіа, аллилуіа" припѣваючи. И гды вже было преде днемъ, здремалемся. А о то знагла страхъ мя огорнулъ, и туча червоная слонечная, подъ часъ всходу солнца. Оттряснувши я сонъ отъ очей, обачилемъ млоденца въ мантіи, на конѣ нашомъ сидячого, въ тылъ до насъ смотрячого а дорогу простуючого. Вырекши тотъ млоденецъ: "я Неемій діаконъ,

сполмѣшканецъ вашъ Купятицкій", зникнулъ. А гды взышло солнце, заразъ за солнцемъ обачилемъ на небѣ крестъ, и въ немъ образъ Пречистои Богородици зъ Дитяткомъ, на кшталтъ Купятицкого, променями слонечными выритый и обточоный. И гдымъ на него не мало смотрѣлъ здумѣваючися, хотѣлемъ указати тотъ чудъ Божій и послушникови моему Онисиму. Онъ, зо сну порвавшися, почалъ коня бити, а въ томъ образъ на небѣ невидимъ зосталъ, о которомъ я ему на тотъ часъ южъ не споминалъ ничого.

А приближившися до села пограничного, дивне предъ полуднемъ минули есмо стражъ воеводы Новогородского: осажчій того села, наимя Феодоръ Драгомиръ, стоялъ надъ дорогою шапку знявши; а гдымъ ся зъ нимъ привиталъ, мовилъ до мене: што то за пани, отче, и гдѣ ѣде съ такимъ оршакомъ немалымъ; я не вѣдаючи, што одповѣдити ему, толко реклемъ: але, але, и одшолемъ до сани. Выѣждзаючи мнѣ зъ села того, великая тлуща людей вышла такъ стражи, якъ и посполитого чловѣка, ажъ въ самый конецъ села того присмотруючися поѣздови. И ѣдучи намъ поблизу храму Афанасіа Св., который храмъ въ конци села того въ полю стоитъ. Перешолемъ волею Бозскою за границу до першого села вашего царского величества названого Шепелева. Люде, тамъ будучіе, приняли насъ ласкаве и дивовалися, якъ стражъ минулисмо. Невѣста една змежи посполитства рекла: заправды, заправды, Богородица зъ ними ѣде, и што за дивъ, же стражъ минули! И иншіе люди дивовалися въ такомъ переѣздѣ нашомъ, уважаючи судьбы Божіе. А гдысмы ся далѣй въ Москву пустили, поткалъ насъ въ дорозѣ чловѣкъ якійсь въ бѣломъ одѣнью; тотъ, мало о што насъ спытавши, реклъ: идѣте вже и рукава спустивши (то есть безпечно), вѣдаю до царя для ялмужны ѣдете и болше того справовати будете. Потомъ приѣхалисмо въ городъ Сѣвскъ 10 февраля року 1638, гдѣ перемѣшкавши въ гостинници дней три, барзо трудно для козаковъ Запорозскихъ, которыхъ тамъ въ тотъ часъ зъ погрому людского великое множство было. Тамъже пришолъ до насъ голова Микита Федоровичъ зъ другими розрядцами, выпытуючи насъ, для якои потребы прибылисмо. А довѣдавшися, же листовъ до вашего царского величества ни отъ кого не маемъ повѣдилъ: не есть речь

можная, же бысте дойшли столици. Реклемъ я: ведлугъ воли Бозскои иду и образу того, которого вамъ даю на паперу друкованого. И дали намъ въ томъ вѣру; еднакъ, ничого не постановивши, одойшли. Потомъ писалемъ до воеводы, просячи его о ласку, якъ то воеводу. Онъ розгнѣвался, же не былъ воеводою, толко намѣстникомъ, розумѣючи, же дворую, выгнати насъ казалъ.

И выгнаніи будучи на Путивлскую дорогу, приѣхалисмо до села Кургановъ, гдѣ пришолъ на мене страхъ Божій и мышлене, же бымъ ся вернулъ до Москвы. Зачимъ вернулемъ ся якъ бы до монастыра подъ Бранскомъ будучого церкви Успенія Пречистои Богородици. А такъ ѣхалисмо неподалеко Сѣвска города на Погребы, село боярское. Тое село переѣхавши, власне въ дубрави, южъ при заходѣ солнца, барзо великая туча мене зъ послушникомъ огорнула, ажъ послушникъ заволалъ: што то, для Бога! и почалъ собою трвожити. Я зась, якъ бы въ восхищенью будучи, правдиве слышалемъ ретельный голосъ таковый: о Афанасій, иди до Царя Михаила и рци ему: звитяжай непріатели наши; бо южъ часъ пришолъ, мѣй образъ Пречистое въ крестѣ Купятицкій на хоругвяхъ военныхъ для милосердя; а въ битви той каждого чловѣка, мянуючогося православнымъ, здорово заховай. По таковомъ страху, зъ дороги зблудилисмо, и позно южъ въ ночи приблукалисмося до деревни Кривцова, пять верстъ отъ Сѣвска лежачое. Тамъ до христіанина на ночлегъ упросившися, обачилемъ сына господарского, барзо хорого, и усѣдши я при немъ, реклемъ въ собѣ: Владыко человѣколюбче, Господи Ісусе Христе Боже мой! милостивъ буди мнѣ грѣшному: яви сіа тайны, яже слышахъ и видѣхъ чувствами моими, истинствуютъ ли, или ни; не искушаю Тебе, Создателя моего, но за немощъ мою сіа Ти глаголю, аще естъ воля Твоя святая, да увѣмъ азъ, рабъ Твой, презъ сіа благодѣяніа Твоя, уврачуй, немощнаго сего чловѣка. Назавтрее рано пришолъ зъ другои избы отецъ сына хорого и мовитъ до мене: старче великій! еслись священникъ, помолися Богу о сыну, абы былъ здоровъ. Я теды съ послушникомъ моимъ приготовавши столикъ пристойне, гдымъ одправилъ молебенъ, знаменалемъ его образомъ Пречистои Богородици, въ крестѣ изображенномъ, Купятицкимъ паперовымъ, который того року першій разъ зъ

друку Кіевского выданъ. О, дивные справы Бозскіе! Власне якъ бы зо сну обужоный, вставши хорый заволалъ: одколь то тутъ пришла надежда моя Богородица лѣчити мене. И заразъ вставши и похваливши Бога служилъ у столу намъ: люде зась притомные зъ радостю и страхомъ барзо ся тому дивовали. Отецъ его, въ глубокой старости будучи, угостивши насъ ведлугъ убозства своего и давши ялмужну святую, выпроводилъ на дорогу Бранскую, радячи, абымъ ѣхалъ до столици, што мнѣ и пало добре на сердцу.

Лечъ тамъ, заразъ по одестю оного старца, барзо великую трудность задавалъ ми послушникъ мой Онисимъ и утикать отъ мене порывался, мовячи: вернемся до Литвы, бо тутъ згинемъ, для чого такъ нендзу терпимо и на небезпеченство болшее доброволне ся удаемо; наперся еси быти въ столици Московъской; не будешъ, не будешъ! И болшей тыхъ противныхъ словъ (снатъ, духомъ злымъ былъ натхненый) зъ гнѣву мовилъ. Я зась молитву въ собѣ до Господа Бога и Пречистои Богородици учинивши, реклемъ до него тихо: "брате милый, бойся Бога, самъ слышалесь и видѣлъ не мало зъ нами справъ Бозскихъ, чомужъ небачне поступуешъ. И предложилемъ ему докладнѣй прейзрене Бозское надъ нами. На остатокъ реклемъ: "естъ притомная намъ Пречистая Богородица, ведлугъ обѣтници своеи, и Ангелъ проводникъ нашъ, которогомъ власне видѣлъ въ особѣ Нееміа, діакона Купятицкого, на томъ и на томъ мѣстцу. Онъ тое выслухавши, прощенія просилъ, и одъ того часу ѣхалисмо зъ собою згодне.

Въ деревни Брасови переночовавши, рано пыталисмося до монастыра Свенского, подъ Бранскомъ будучого, и пустившися въ тую дорогу дивными судбами Божіими якъ бы зблудили до села Лѣсокъ, а потомъ до города Карачова, гдѣ и монастыръ Воскресеніа изъ мертвыхъ Ісусъ Христова. Тамъ Афанасій Феодоровичъ, ігуменъ честный, принялъ насъ вдячно и порадилъ, жебысмы дойшли до воеводы Карачовского, человѣка въ лѣтехъ поважного, наимя Петра Игнатовича, ознаймуючи о собѣ и о листъ просячи до величества твоего. Который-то воевода, мовы нашое терпливе выслухавши, реклъ: Дивные справы Бозскіе! Я о нихъ много бадатися не хочу, але каждой справѣ Бозской простымъ сердцемъ вѣрую. И такъ далъ намъ

листъ и проводника до самои столици, на имя Филона Пушкара, зъ которымъ ѣхалисмо на Болхово, на Бѣлево, на Калугу и на многіе мѣста и мѣстечка тутъ до столици Московской. О тожъ, за волею Бозскою, переводомъ Пречистои Богородици и Ангела доброго въ особѣ Нееміа, діакона Купятицкого, якъ тому простымъ сердцемъ вѣрую, до вашего царского величества прибылисмо.

По одправѣ насъ зъ столици Московской въ недѣлю цвѣтную, въ ростокъ ледный, чудовне презъ рѣки на Можайскъ и на Вязму до Дорогобужя приѣхалисмо. Одтоль чудовне въ розводѣ Днѣпромъ въ чолнку на Смоленскъ до Орши и до Могилева заѣхали, зъ Могилева возомъ року 1638 іюня 16 на Минскъ до Вилня, зъ Вилня до монастыра своего Купятицкого, ведлугъ послушаніа, прибылисмо року 1638 іюля 16.

Тамъ до Купятичъ незадолго зъ Берестя прислано, просячи на ігуменство Берестейское зъ двохъ едного: або отца Макаріа Токаревского, або мене, Афанасіа Филиповича. Блаженный Иларіонъ, игуменъ Купятицкій, волею ся Бозскою мяркуючи, учинилъ раду зо всею о Христѣ братіею и, зъ совѣту общого назначилъ иншихъ на тое послушаніе, а насъ ободвохъ охоронялъ на тамъ-тотъ часъ, якъ бы въ Купятичахъ потребныхъ. Присланыхъ зась одправилъ зъ Купятича зъ листомъ таковымъ:

Славетные а мнѣ велце ласковые панове! Ижъ до тыхъ часъ не выгодилося священникомъ (не дѣетея то, Боже не дай, зъ легкомыслности и прейзреня нашого, толко зъ трудности и бѣдъ, а найбарзе же на схилку того вѣку трудно у благочестивыхъ о люде; немаль овые слова Христовы выполняются: жатва многа, дѣателей же мало, еднакъ хочъ собѣ тяжко учинивши доброму жаданю милостей вашихъ выгажаемъ и съ посродку себе господина отца Климента Несвѣцкого, священноинока, зъ діакономъ Флявіаномъ, посылаемъ, маючи уфность въ Бозѣ, ижъ такъ житіемъ своимъ прикладнымъ, якъ и проповѣдью слова Божого можетъ милостямъ вашимъ услужити. Господина отца Афанасіа ижъ ся послано до Каменца, буде въ всемъ зноситися зъ отцемъ Несвѣцкимъ, и если бы указала того потреба, часъ якій можетъ

змѣшкать для лѣпшого спораженя и господинъ отецъ Афанасій у милостей вашихъ. Толко пилне прошу, абы милости ваши, будучи на нихъ ласкавыми, въ любви зъ ними посполу о добромъ церковномъ радили и въ всемъ зъ собою ся зносили. Притомъ оддаюся братолюбію милостей вашихъ зъ молитвами. Зъ Купятичъ, [і]юня 13, року 1640. Милостей вашихъ богомольца уставичный Иларіонъ Денисовичъ, игуменъ монастыра Купятицкого.

Ведлугъ того листу посланецъ не взялъ мянованыхъ до Берестя. Зачимъ пишетъ зъ Пинска господинъ отецъ игуменъ до мене въ тые слова:

Честный господинъ отче Афанасій! Пришедши я до Пинска, засталемъ пана Єустафіа и отца Климентіа, а то съ тыхъ мѣръ не ѣхали до Берестя, ижъ панъ Єустафій не хочетъ отца Климентіа; толко, ведлугъ злеценя, проситъ о честь твою: приѣдь пре то честь твоя до насъ и што нужнѣйшого зъ собою озми. Будетъ ли на то воля Божая, поѣдешъ зъ ними, не будетъ ли - зостанешъ; ключи отъ книгъ и твоее избы и коморы до панамаря оддай. Прочее о молитву прошу.

За тою карточкою, гдымъ приѣхалъ до Пинска, по многихъ радахъ братіа межи собою якъ бы жартомъ рекли: ліосы нехай кинутъ зъ отцемъ Макаріемъ, кому ѣхать до Берестя. Гды кинули, пришолъ ліосъ на мене, Афанасіа, ведлугъ воли Бозскои. Зачимъ господинъ отецъ игуменъ, зъ жалемъ высылаючи мене до Берестя, на томъ же листы пишетъ тые слова: По написаню того листу, не хотѣлъ панъ Єустафій взять въ листѣ написанныхъ: прето, хочъ зъ тяжкою моею бѣдою, мусилемъ (надъ волю Божую трудно) половицу мене, господина отца Афанасіа оджаловавши пустити. Молю: сопостраждѣте въ всемъ ему, да со Христомъ воцаритеся. Толко о мнѣ Афанасію писаня было. Зъ которого я, надъ все волю Бозскую уважаючи, гдымъ приѣхалъ до Берестя, пыталемся о фундаціахъ, на чимъ жити. Лечъ, не указавши мнѣ панове мѣщане на пожите ничого, принесли фундаціи и привилея на паргаменахъ въ шести штукахъ, на братство предъ унеею наданые, зъ которыхъ еденъ, фундушъ епископскій, кождому на вырозумѣне выписую въ тые слова:

Волею Божіею и молитвами Пречистое Єго Богоматере, мы, смиренный Мелетій Хребтовичъ Литаворовича Богуринскій, прототронъ, епископъ Володимерскій и Берестейскій, архимандритъ Кіевскій великои лавры монастыра Печерского. Обмовившися посполъ и изволившися зъ капитулою, крылошаны нашими въ богоспасаемомъ градѣ Берестейскомъ церкве столечности нашое соборное святого чудотворца и архіерея Николы, молиша насъ многіе благочестивые и христолюбивые панове мѣщане мѣста господарского Берестейского у великомъ князствѣ Литовскомъ, сыны послушные о Христѣ возлюбленніи парафіи епископства нашого. За которыми молилъ насъ его милость велможный и благородный панъ Адамъ Патій, каштелянъ Берестейскій, и иншіе зацные ихъ милости панове обыватели повѣту Берестейского, сыны о Христѣ возлюбленные и православные епископства нашого - благословитися имъ отъ нашого смиреніа достойно пріати чинъ Виленского и Львовского благословенного братства, храму у Вилни живоначалное Тройци, а у Львови храму Успеніа Пречистое Богородици. Къ тому тежъ просили насъ оные панове мѣщане, яко епископа и пастыра своего, же бысьмо имъ, яко парафіаномъ нашимъ, въ церкви нашой епископской соборной Святого Николы позволили дати и мѣти предѣлъ святыхъ боголюбивыхъ мученикъ князей Рускіхъ Бориса и Глѣба во святомъ крещеніи нареченныхъ Романа и Давыда, особливымъ. У которомъ предѣлѣ позволилемъ имъ мЪти чтыри праздники, то есть: першій праздникъ Богоявленіа, другій Глѣба и Бориса, третій - св. безсребреникъ Козмы и Даміана, четвертый - святого Юря. Въ которомъ предѣлѣ ихъ братскомъ нихто жадное переказы имъ чинити не маетъ, такъ я самъ епископъ, яко и по мнѣ будучіе епископы, намѣстники, протопопы и всѣ причетники церковные вѣчными часы, заховуючи во всемъ вцале, ведлугъ стародавного звычаю, владзу и зверхность ихъ, а благословенство наше пастырское епископское - ведлугъ правъ и привилеевъ нашихъ, одъ ихъ милостей господарей королей и великихъ князей Литовскихъ, пановъ нашихъ, [даныхъ]. До которого то звышъ мененого ихъ предѣлу братского святого Бориса и Глѣба придаемъ имъ грунты и церковища Св. Юря зо всѣми пожитками, такъ тежъ грунты св. Козмы и Даміана, то

есть волокъ двѣ въ Лебедевѣ и у мѣсти церковище, и подданые, на тотъ часъ на томъ грунтѣ осѣлые, заразъ,- въ моцу, въ владзу и въ держане ихъ подаемъ. Лечъ оны тые пожитки, на церковъ Козмодемянскую належачіе, сами доброволне отцу Пятницкому поступили, теразнѣйшому презвитеру нашому Іоанну Савичу, до живота его - а по смерти оного на тотъ предѣлъ ихъ Глѣба и Бориса зо всѣми пожитками поступуемо вѣчными часы. Што мы, епископъ, добре усмотривши къ намъ, епископу, пастыру своему, моленіе ихъ зѣло честно и богоугодно и любезно, ихъ, пановъ мѣщанъ мѣста Берестейского, порядки духовные, церкви святой потребные, благословеніемъ Божіимъ зверхности нашое пастырское мнѣ врученой и даное власти свыше отъ Вседержителя Бога и зверхнѣйшого пастыра нашого, святѣйшого вселенского патріархи Константинополя Нового Рыма кира Іереміи, благословляемъ и въ всемъ соединяемъ, и прилучаемъ совершеннѣйшому, прежде званному братству Виленскому и Львовскому, единочестно и единомысльно и единонравно правовѣрно жити, ведлугъ възаконеніа святого православіа благочестіа святое Іерусалимское восточное кафолическое апостолское Христовое Божое церкве матере нашое, седми соборми вселенскими утверженое, ничимъ не отлучно, со смиренномудріемъ въ любви нелицемѣрной, въ вся вѣки строити по обычаю реченного братства, о Господѣ всегда любовію и кротостію собирающеся; священниковъ благоугодныхъ, честныхъ, православныхъ, некорчемныхъ, отколже колвекъ се имъ потрафитъ, могли собѣ избирать; учителей же школьныхъ чадомъ своимъ и пришелцомъ убогимъ по чину школъ приймати; болницу, шпыталь убогихъ своихъ строити; церковное благолѣпіе по силѣ своей честно украшати; собране свое наданное маетности отъ когожъ колвекъ боголюбца въ влагалищи своемъ и шпыталными братскими праведно справовати и рядити маютъ ку оздобѣ и потребѣ церковной; въ напастехъ, бѣдахъ и въ недузѣхъ братіамъ своимъ сановнымъ помагати и до гробу равночестно провадити, и нищихъ, по преставленіи братіи своее, сиротами и вдовами еликомощно пещися; между же братіею своею кротостію и попеченіемъ нелицемѣрно праведно разсуждати. Аще ли же въ нѣкоей винѣ

недоумѣются, по всякому слученію да вопрошаютъ о семъ истиннѣйшого разсужденія соборного епископского, и по увѣщанію правиломъ всѣмъ любовію смирятися. Аще кто отъ братій не будетъ жити зъ братствомъ въ единой мысли, но, противно мысля, творити будетъ соблазну между братіею и не престанетъ ли таковаго, мы, епископъ, со разсужденіемъ нашимъ, да отлучимъ отъ общаго ко цѣломудрію; тогды мы, а въ небытности насъ, соборъ нашъ капитула и зъ ихъ священникомъ да ижденутъ отъ церкве. И аще бы кто собѣ искалъ иного безчинного братства во уничиженіе сему благословенному братству, таковые да не имѣютъ ни единоя власти въ всемъ строеніи церковного братства. Ибо Господь нашъ Іисусъ Христосъ рече: иже нѣсть со мною, на мя есть, и иже не собираетъ со мною, растачаетъ. Сего ради отъ нашего смиреніа завѣщавается и въ Святомъ Духу повеливается, быти братству сему нераздрушно и неподвижно во вѣки, ни же отъ единого по временехъ пришлыхъ по насъ обрѣтаемыхъ епископовъ, ни же отъ князей, пановъ или священниковъ или мирскихъ, подъ запрещеніемъ и непрощеніемъ отлученіемъ нераздрушнымъ отъ святое восточное кафолицкое Божее церкви, святого православіа нашого христіанского. И аще кто явится разоряяй сіа, яко соблазнитель и разоритель и злотворецъ и діаволу другъ и врагъ Христу, да будетъ отлученъ отъ Отца и Сына и Святого Духа и проклятъ и по смерти нераздрѣшенъ, и да имѣетъ клятву триста и осмнадесятъ отецъ, иже въ Никеи и прочихъ святыхъ. Богъ же всякоя благодати да совершитъ вы, да утвердитъ, укрѣпитъ, сохраняя отъ всякого вреда противна. Тѣмъ же радуйтеся о Господѣ, совершайтеся, утѣшайтеся, тоже мудрствуйте, миръ имѣйте, и Богъ любве и мира да будетъ съ вами. Сего ради бысть нашего смиреніа писаніа сіа и дается паномъ мѣщаномъ Берестейскимъ, зъ печатю нашею завѣсистою епископскою, и съ подписомъ руки моее. Въ лѣто отъ созданіа миру семитысящнаго девятдесятъ осмого, а отъ воплощеніа Господа нашего Іисуса Христа тысеча пятсотъ деветдесятъ первого, мѣсеца октября двадцатъ шестого дня. Мелетій Хребтовичъ, Божіею милостію епископъ Володимерскій и Берестейскій, архимандритъ Кіевскій власною рукою.

По смерти блаженного Мелетіа Богуринского, Потѣй, епископомъ ставши, ствержаетъ всѣ фундуши и клятвы, на отступныхъ въ нихъ замкненые, тыми словы:

Милостію Божіею, Ипатіе епископъ Володимерскій и Берестейскій. Вѣдомо чиню всѣмъ нынѣшнимъ и напотомъ будучимъ, кому то вѣдати належитъ. Ижъ пришедши передъ насъ еже о Христѣ братство, ктиторы храма св. іерарха Христова Николы соборныя церкви, предѣла же св. Богоявленіа, гражане Берестейскіе, оповѣли и показали намъ фундуша церковного братства отъ святѣйшихъ патріарховъ киръ Іоакима, патріархи Великіа Антіохіа, списаный порядокъ и утверженіе привилейное киръ Іереміи, архіепископа Константинополского, Нового Рыма и вселенского патріархи, зверхнѣйшого пастыра нашего, таже и здѣшняго архіепископа, метрополиты Кіевскаго и Галицкаго и всея Русі со всѣми епископы соборное утверженіе и постановленіе на сіе братство, и листы певные отъ небожчика продка нашего Мелетіа Хребтовича, владыки Володимерского и Берестейского и проч., якъ ся фундушъ въ собѣ маеть.

Иншихъ фундушовъ не пишу, толко зъ кролевскихъ хочъ еденъ привилей, ствержаючій фундуши и клятвы на отступныхъ, выписую въ тые слова

Во имя Божое станься. Ку вѣчной памяти и змоцненью речи нижейописаное. Мы, Жигмонтъ Третій, Божію милостію король Полскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомоитскій, Мазовецкій, Инфлянскій и кролевства Шведского найближшій дѣдичъ и пришлый король. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ, кому то вѣдати будетъ належало, нынѣшнимъ и напотомъ будучимъ. Штожъ мы, господарь, щасливе пануючи надъ людомъ народовъ христіанскихъ въ панствахъ нашихъ, не толко стародавныхъ правъ, свободъ и волностій сторожомъ и оборонцею будучи, але завжды при надаваню и примноженю ихъ обывателемъ панствъ нашихъ ласкаве ставечися, и тымъ болшею хутью надо все помноженя хвалы Божое и порядковъ слушныхъ захованя зычачи, за донесенемъ намъ прозбъ одъ становъ многихъ, а на чоломбите мѣщанъ мѣста нашого Берестейского людей народу Руского, братьи церковного

братства церкви заложеня св. Николы, предѣла Богоявленіа, прозываемаго Глѣба и Бориса, зъ ласки нашое господарское, позволяемъ имъ, для свободного и спокойного уживаня всякихъ обходовъ церковныхъ и розширеня хвалы Божое набоженства ихъ, ведлугъ порядку мѣстъ нашихъ столечныхъ, Виленского церкви Святое Тройци а Львовского церкви св. Пречистое, и волностей, одъ насъ господаря братству мѣста Виленского и Львовского наданыхъ, такъ же ведлугъ благословенства и листу пастыра ихъ, въ Бозѣ велебного Мелетіа Хребтовича Литаворовича Богуринского, епископа Володимерского и Берестейского, архимандриты Кіевскаго монастыра Печерского, который отъ нихъ и передъ нами покладаный былъ, подъ датою року тисеча пятсотъ деветдесятъ первого, мѣсяца октобра двадцать шестого дня, и съ подписомъ руки и зъ печатю привѣсистою владыки Володимерского и Берестейского. То есть: напервѣй, братство церковное, которое собѣ улюбили для справъ побожныхъ, ведлугъ застановеня своего, мають мѣти и въ всемъ ся въ немъ рядити и справовати порядкомъ и прикладомъ мѣстъ нашихъ Виленского и Львовского вѣчными часы. И домъ ихъ братскій, въ которомъ справы свои братства церковного одправовати будутъ, отъ всякихъ платовъ и повинностей нашихъ господарскихъ и мѣстскихъ и отъ стояня въ немъ гостей всякого стану такъ при бытности нашой господарской, яко и въ небытности, вызволяемъ и волнымъ чинимъ вѣчными часы. Такъ тежъ олтаръ, въ которомъ попъ ихъ братскій служити будетъ, ведлугъ листу волности отъ владыки Берестейского, на то имъ даного, ихъ заховуемъ, и нихто имъ въ томъ переказы жадное до предѣлу Глѣба и Бориса зъ становъ духовныхъ и свѣцкихъ чинити и входу волного церковного забороняти не маетъ. А для науки дѣтей народу христіанского всякого стану, ку оздобѣ и пожитку речи посполитое, позволяемъ имъ мѣти школу Греческого, Латинского, Полского и Руского языка, и людей ученыхъ въ тыхъ школахъ волно ховати духовного и свѣцкого стану. Братствомъ ихъ самыхъ, и церковью, олтаромъ, попами, школою и всею челядью братскою, такъ и грунтами, до братства и олтаря належачими, не маетъ нихто справовати, толко они сами, братство вышъ помененое, зоставуючи въ

всемъ цѣле зверхность пастыра владыки Володимерского и Берестейского. А хтобы зъ доброе воли своее на тое имъ братство церковное што надалъ, албо тестаментомъ описалъ, и потомъ хотя хто и безъ тестаменту надастъ, албо одпишетъ такъ речи рухомые, яко и лежачіе, то на всѣ потомные часы при ономъ братствѣ ихъ церковномъ вѣчне зоставати маетъ, чого имъ никоторый врядъ таковыхъ речій отъ того братства оддаляти и одыймовати не маетъ. И на то дали есмо братству церковному Берестейскому сесь нашъ листъ, съ подписомъ руки нашое господарское и зъ нашею печатью. Писанъ у Варшавы, на сейми валномъ, лѣта Божого Нароженя тисеча пятсотъ девятдесятъ второго, мѣсяца октобра первогонадцатъ дня. Sigismundus Rex. Матей Война, писаръ.

Такіе я права маючи на паргаменахъ и видячи, же суть потребные, актиковалемъ ихъ до книгъ гродскихъ и, повыймовавши выписами, смѣлѣй волею Бозскою поступовати почалемъ. Же унея зъ Рымомъ Старымъ, не ведлугъ порядку Церкви Всходнее принятая, вѣчне проклята, доводы на тое певные маючи, явне въ церкви и на розныхъ мѣстцахъ голосилемъ. Зачимъ въ мѣсти томъ Берестейскомъ и въ всемъ повѣтѣ воеводства того въ великой тръвозѣ уніаты зоставать почали. Потомъ, бывши ми на сейми, року 1641, септембра мѣсяца, повыймовалемъ екстракта привилевъ, ствержаючихъ фундуши и клятву на отступныхъ, съ канцеляріи кролевское въ тые слова:

Владиславъ Четвертый ес. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ, кому то вѣдати належитъ. Прошени есмо были о выдане съ книгъ канцеляріи нашое болшое великого князства Литовского екстрактомъ справы нижей выражоное, которая ся въ книгахъ святобливое памети короля его милости Жигимонта Третего, пана отца нашого, знашла тыми словы писаная: Во имя Божое станьсе. Ку вѣчной памети и змоцненью речи нижей описаное. Мы Жигмонтъ Третій и проч. Доконченье зась екстракту того таковое: Мы, король, на прозбу стороны потребуючое ласкаве призволивши, тую справу, въ сесь листъ вписаную, екстрактомъ, въ року теперешнемъ 1641, мѣсяца септембра шестнадцатого дня, подъ печатью великого князства Литовского, выдати росказали есмо. Писанъ у Варшавѣ, за

справою освецоного Албрыхта Станислава Радивила, княжати на Олыцѣ и Несвѣжу, канцлера великого князства Литовского, Пинского, Гніевского, Тухольского ес. старосты. Албрыхтъ Станиславъ Радивилъ, канцлеръ в. к. Литовского. Янъ Довкгало Завиша, секретаръ его королевской милости корыговалъ. Моцарскій екстрактъ мѣщаномъ Берестейскимъ.

Тогожъ часу на сейми въ Варшавѣ, волею Бозскою и молитвами Пречистое Богородици, привилей новый на братство Берестейское при церкви южъ Рождества Пречистое Богородици, презъ комисара и дворанина его королевской милости, ведлугъ дипліомы поданой, съ потверженьемъ першого права и позволенемъ набыти пляцъ на домъ братскій, съ подписомъ руки кролевское, набылемъ въ тые слова:

Владыславъ Четвертый, зъ Божей ласки король Полскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомоитскій, Мазовецкій, Инфлянтскій, Смоленскій, Черниговскій а Шведскій, Готскій, Вандальскій дѣдичный король. Ознаймуемо тымъ листомъ нашимъ, кому то вѣдати належитъ. Донесена естъ намъ презъ нѣкоторыхъ пановъ радъ и урядниковъ нашихъ дворныхъ прозба именемъ обывателей и мѣщанъ братства церковного Берестейского, небудучихъ въ унеи, абысмы имъ церковь Нароженя Пречистое Богородици въ мѣсти нашомъ Берестейскомъ (монастыръ мѣстскій), уже имъ презъ дворанина нашого въ року 1633 подану, для лѣпшое и грунтовнѣйшое моци, особливымъ привилемъ нашимъ, такъ помененую церковь, якъ и монастыръ ствердили. Мы теды, до прозбы ихъ ласкаве ся склонивши, тымъ привилемъ нашимъ церковь Пречистое Дѣвы Богородици Маріи, зацній монастыръ мѣстскій, ведлугъ поданя дворянского, зо всѣми приналежностями, здавна приналежачими, ствержаемо и умоцняемо. При которой церкви мѣшкаючи законники реліи Грецкое, не-униты, волно въ всемъ, ведлугъ Церкви Всходнее, набоженства и церемоншіи заживати маютъ вѣчными часы, якожъ и братство ихъ церковное, ведлугъ привиля его милости пана отца нашего, позволяючи имъ тое братство при помененой церкви (нимъ упривилеевaный рекуперуютъ олтаръ), мѣти аппробуемо и позволяемо; при томъ школу языка Руского и Полского и шпиталъ при той же помененой церкви мѣти и

пляцъ собѣ на домъ братскій на той же улици ближе мѣста набыти позволяемъ. Што все ствержаючи, для лѣпшое вѣры рукою ся нашею подписавши, печать великого князства Литовского притиснути росказали есмо. Данъ въ Варшавы, мѣсяца октобра 13 дня, року 1641, пановання нашого Полского девятого, а Шведского 10 року. Wladislaw Rex. Станиславъ Нарушевичъ, писаръ.

Того привилья заразъ на сейми панъ канцлеръ и подканцлерій гды не хотѣли запечатовати, потомъ знова року 1643 на сеймъ съ тымъ же привилемъ для запечатованя зъ мѣщаны братства Берестейского приѣхалемъ. И постерегши, же южъ незносную кривду Церковъ Восточная терпитъ одъ уніатовъ проклятыхъ и отъ всѣхъ властей Рымскихъ, бо значне волали, же южъ-южъ вѣра и церковъ православная въ панствѣ короля Полского помножатися не маетъ (о чомъ яснѣй въ Новинахъ описано естъ), теды прейзренемъ то Бозскимъ супликовалемъ въ Варшавѣ публице) въ сенатѣ презъ образъ Пречистое Богородици, въ крестѣ изображенный Купятицкій, зъ гисторіею видѣня того образу на небѣ въ границы Московской, до короля его милости Полского, зъ написомъ такимъ:

Для того, наяснѣйшій кролю Полскій, панъ мой милостивый, тотъ чудъ Божій маестатови вашому прекладается, абы унея проклятая была згублена на вѣки: абовѣмъ есть барзо, барзо проклята правомъ то слушнымъ доводне ся покажетъ. О, бида, бида тымъ, которіи сутъ прокляты отъ отца духовного, власне собѣ належного. Хотѣй же, ваша кролевская милость, ласкаве въ то вейзрити, для врожоное вашое доброти и присяги вашое кролевское милости, абы вѣра правдивая Грецкая грунтовне была успокоена, а унея проклятая вынищена и внивечъ обернена; бо если унею проклятую выкорените, а всходнюю правдивую церковъ[2] успокоите, то щастливые лѣта ваши поживете. А если не успокоите вѣры правдивое Грецкое и не знесете унеи проклятои, то дознаете запевне гнѣву Божого. Южъ бо вѣмъ ваги несправедливости до самого центрумъ припали; вже злость людская и пыха ажъ назбытъ се вынесла; силы зась въ людехъ правовѣрныхъ зъутлѣли и барзо

[2]*На полі спасылка - вѣру*

знемощнѣли. Въ таковыхъ теды часехъ помочъ Бозская наступуетъ, якъ видите; той образъ, въ крестѣ изображенный, Пречистое Богородици трубою естъ и знакомъ, упережаючимъ страшный судъ Божій, который правдиве прійти маетъ, ведлугъ еуангеліи святои: благословенныхъ вылучивши, пошлетъ до царства небесного, а проклятыхъ втрутитъ (ахъ, бѣдажъ!) до пекла на вѣчные муки. Вѣдаю, же нѣкоторый будетъ сопротивляючійся таковой пересторозѣ и невѣрнѣйшій надъ Фараона закаменѣлого. Сподиваюся тежъ, же будетъ и Авраамъ, вѣрный Богу, Сотворителю своему, который тому увѣритъ. Въ воли то человѣчей естъ. Обирай же собѣ, што хочъ, поки часъ маешъ: отъ, ти части обѣ зъ вѣры, вѣра тобѣ.

По таковомъ поступку моемъ на сейми у короля его милости Полского, гды мя отцеве старшіи обвинили, розумѣючи, жемъ то самъ презъ себе учинилъ, а не зъ воли Бозскои, до сконченья сейму въ вязаню держали мя. Потомъ розъѣждзаючися, зъ Варшавы до Кіева мя прислали. Въ Кіеви, презъ килканадцатъ недѣль гдымъ былъ, въ тотъ часъ на гисторію вышъ-описаную и на поступокъ предъ кролемъ паномъ Латинскимъ языкомъ вырозумЪне таковое выдано:

"Ex historia, in civitate metropoli Moschovix descripta per Athanasium Philipovicz, moderno tempore ihumenum Brestensem, monachum Ord. S. Basilii, data Michaeli Duci Moschovitico, anno 1638,

summa talis:

1. Manifestando aflictionem fidei Grxcx et ecclesix Orthodoxx sub rege Poloniae, tanquam propter elemosinam pro xdificanda ecclesia, ad Orthodoxum Ducem Moschoviticum ex Lituania a monasterio Gupiaticiensi Athanasius, cum alio monacho, sine literis (non sine Divino instinctu), advenit.
2. In regno Polonix in monasterio Gupiaticiensi, ubi et ecclesia dedicata sanctissimx Virgini Deiparx, cum imagine eius miraculosa, in cruce expressa antiquitus invenitur, quasi vox audiebatur Ducem Moschoviensem ecclesiam ibi novam xdificaturum.
3. Imago Deiparx in cruce ad similitudinem Gupiaticiensis, in cxlo illico post ortum solis visa, ut Dux Moschoviticus in vexillis militaribus suorum militum similem gerendo cum iis contra quemlibet hostium suorum egrederetur.

4. In eo prælio quemlibet hominem, qui se orthodoxum profiteretur, idem quasi Dux Moschoviticus ut salvum conservaret.

Totius huius historiæ, quamquam circumstantiæ peregrinationis variæ sunt, summa tamen rei talis est, ut hic demonstratur.

Initium huius historiæ tale est:
Notum tibi, serenissime ac invictissime Michael, princeps Moschoviæ, domine orthodoxe, quod Deus omnipotens summus, rector et gubernator universi, "in manu enim eius (ut Sapiens dicit) et nos et sermones nostri et omnis sapientia et operum scientia et disciplina" etc. etc. usque ad finem.

Allegorice ex historia non nulli intelligunt; loco ducis - Christum aut Michæle Archangelum, loco ecclesiæ - populum orthodoxum, loco in cruce imaginis Deiparæ - tubam terribilis, iuditii cum misericordia significari, nam et postea, quod factum est, maxime miraculo sum est.

Transactis quinquis annis post redditam Duci Moschovitico hanc historiam, quam ibidem anno 1638 martii in metricis conscripserunt, idem Athanasius Philipowicz, anno 1643 martii decimo, feria sexta, e meridie, tertia hora, in comitiis generalibus Varsaviæ perspecta nimia persecutione fidei Græcæ, nam idem Athanasius, tunc exploraba privilegium pro ecclesia orthodoxa Brestensi, sed consignare illud, ad oblationem triginta talerorum nolebant. Dicebant enim sibi quasi cancellarius Radzivil et vicecancellarius Trizna, sub anathemate a Papa Romano, prohibitum esse ne ullo modo fides Græca cresceret. Eo autem tempore, ut supra, dictus Athanasius (spiritu certe bono), tanquam supplicando et iustitiam desiderando per imaginem in cruce Beatissimæ Virginis Deiparæ, in septem voluminibus, linteis sigillatim pulchre depictam, simul etiam cum historia Moschovitica, quæ erat cuilibet imagini appensa, in arce publice senatum, ante conspectum regis agressus causaque iudiciali coram rege dirupta, tradidit imaginem unam, marginibus deauratis pulcherrime ornatam et holoserico obvolutam, regi Poloniæ Vladislao quarto, senatoribusque sigillatim non nullis, iuxta exigentiam titulorum ipsorum, et legatis etiam in comitiis eadem hora per diaconum suum optimum obedientem, nomine Leontium, cum inscriptione tali:

Id circo, serennissime rex, domine noster clementissime, hoc miraculum divinum magestati vestræ regali proponitur, ut unio maledicta deleatur, et enim est maxime ac maxime maledicta iure id convenienti evidenter demonstratur. O væ, væ, væ huic, qui devinctus est

anathemate a patre spirituali, legitime sibi illato. Velit, vestra regalis magestas, id intendere, pro innata tua bonitate et iuramento regali vestro, ut religio Græca radicitus quietat reddatur, unio autem maledicta eradicetur, si hanc everteritis et orthodoxam fidem pacaveritis, feliciter vestros traducetis annos. Si autem non pacaveritis fidem veram Græcam et non eradicaveritis unionem maledictam, experiemini iram Dei. Jam et enim trutinæ iniustitiæ usquam ipsum centrum tetigerunt, iam malitia humana modum maxime excessit, vives autem in hominibus orthodoxis deficiunt et maxime debilitantur. Talibus itaque temporibus Divina potentia advenit; ut videtis, haec imago in cruce Beatissimæ Virginis tuba est et signum præoccupans terribile iudicium Dei, quod vere advenire debet iuxta evangelium sanctum: beatos electos mittet ad Regnum Cælorum, maledictos autem protrudet (ah, miserabile) ad inferos in sæcula sæculorum. Novi contrarium fore huic cantellæ quempiam Faraonem duriorem lapide, futurum etiam et Abrahaamum fidelem Deo qui crediderit. In libero hoc positum est arbitrio hominis. Elige tibi quod placet do nec tempus habes.

Въ Кіеви, подъ часъ того Латинского шкрипту и вырозумѣнья, барзо мене, Афанасіа, турбовано, и въ консисторіи справоваться казано. Лечъ, не нашедши въ мнѢ вины, одослали до его милости отца метрополиты, якъ и въ Новинахъ нижей, описуется. Его милость отецъ метрополитъ, видячи невинность мою (бо ани отъ короля пана, ани одъ Речи Посполитое институючихъ на мене не было), а до того маючи прозбу одъ братства всего Берестейского, посылаетъ мя знову, за листомъ своимъ, до Берестя. Которого листу я тамъ, для забѣженя въ потомные часы невинности въ той справѣ, его милости отца нашего метрополиты православного, до книгъ актиковавши, выписомъ взялъ въ тые слова:

Выписъ съ книгъ староства Берестейского. Лѣта отъ Нароженя Сына Божого тисеча шестсотъ сорокъ четвертого, мѣсяца августа четвертого дня. На врадѣ гродскомъ, въ замку его королевскои милости Берестейскомъ, передо мною Миколаемъ Табенскимъ, писаромъ земскимъ в подстаростимъ Берестейскимъ, постановившися очевисто велебный въ Бозѣ его милость отецъ Афанасій Филиповичъ, игуменъ монастыра св. Симеона Берестейского, покладалъ и, ку актикованю до книгъ

врадовыхъ гродскихъ Берестейскихъ, подалъ листъ вже отвористый въ Бозѣ превелебного его милости отца Петра Могилы, архіепископа, метрополиты Кіевского, Галицкого и всея Русі, ексархи святого апостолского фрону Константинополского и Печерского архимандриты, до братства Берестейского церкви святое восточное Рожественское въ справи и речи, нижей въ томъ листи выражоной. О который жадалъ помененый отецъ игуменъ, абы принятъ и до книгъ гродскихъ Берестейскихъ уписанъ былъ. Въ чомъ я, подстаростій, видечи быть речъ слушную, тотъ листъ принявши велѣлемъ до книхъ гродскихъ Берестейскихъ уписати. И уписуючи въ книги писмомъ Рускимъ, въ слово до слова, такъ ся въ собѣ маетъ: Петръ Могила, милостію Божіею архіепископъ, метрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Русі, ексархъ святого апостолского фрону Константинополского, архимандритъ монастыра Печерского Кіевского. Благороднымъ, благочестивымъ и христолюбивымъ ихъ милостямъ панамъ братіамъ братства крестоносного церкви святое восточное и нашего смиреніа въ святомъ Дусѣ наймилшимъ сыномъ ласка, покой и милосердіе отъ Христа Спасителя и наше архіерейское благословеніе отъ столици метрополіи Кіевское препосилаемъ. Поважаючи милостей вашихъ листовную причину за отцемъ Афанасіемъ, благословилемъ ему на тое жъ послушаніе игуменства Берестейского ѣхати, за належнымъ наказаніемъ духовнымъ за выступокъ оного таковый, который всей Церкви Руськой нанеслъ былъ великого жалю и трудности. Розумѣемъ теды, же, по томъ исправленіи нашомъ, осторожнѣй собѣ будетъ поступовати въ справахъ церковныхъ, а звлаща предъ кролемъ его милостью паномъ нашимъ милостивымъ и всѣмъ пресвѣтломъ его сенатѣ въ послушаніи зась своемъ, поневажъ по тые часы угожалъ милости вашой, такъ и на пришлые часы тщаніа приложитъ, абы повинности своей духовной и потребамъ милости вашой моглъ добре выгодити. Затымъ, самого себе и молитвы мои архіерейскіе милостямъ вашимъ пилно вручаемъ. Зъ монастыра Печерского Кіевского, дня 20 іюня, року 1643. У того листу при печати подписъ руки тыми словы: милостей вашихъ зичливый въ Святомъ Духу отецъ, пастыръ и богомолца Петръ Могила, архіепископъ, метрополитъ Кіевскій,

рукою власною. Который же тотъ листъ, за поданемъ до книгъ особы верхуменованое, естъ до книгъ гродскихъ Берестейскихъ уписанъ, съ которыхъ и сесь выписъ, подъ печатю врадовою и съ подписомъ руки писарское, его милости отцу Афанасію, игумену монастыра св. Симеона естъ выданъ. Писанъ у Берестю.

За тымъ листомъ метрополитанскимъ, а найбарзѣй за волею Бозскою, мЪшкалемъ въ Берестью въ покою часъ немалый. Въ томъ оддано ми листъ от пана Зычевского, слуги и юристы его милости пана Казановского, зъ Варшавы, о запечатованю привилея въ тые слова:

Велебный въ Бозѣ, милостивый отче игумене Берестейскій, мой велце милостивый отче и давный добродѣю! Любо то ваша милость въ Варшавѣ, зъ одважного вашей милости моего милостивого отца progressu, для іцщіеіа, которое ecclesia Christi по всѣ дни свои терпѣла pericula и цѣлости religionis sequestrovano было, concludovalem я, еднакъ, жесь то ваша милость zelo religionis navis ecclesiж Christi на такъ великомъ оцеани periculo tum dolore oppressione quotidiana ad extremum afflatu Spiritus Sancti ductus divino cum dispendio vitae in conspectu Domini et Reipublicж processit. Въ томъ теды рази тотъ соаце вашей милости оддано стараню моему и праци. И любо durum erat contra stimulum calcurare, fаxit еднакъ Deus, же ведлугъ intentiej вашей милости справилемъ, и тотъ привилей запечатованый маю. А якъ паномъ братіамъ вашей милости обѣцалемъ дати знати, даю зъ умыслу, нанявши козака, и пишу до нихъ особливе. Рачъ ваша милость, ex officio suo, абы якъ найпрудшей высилали, бо res cum persones illustribus agitur, и на прудкомъ коню потреба, и сама моя рада естъ, бо гды южъ до Кракова отъѣде, трудно будетъ и што выречи, оныхъ seъіо упоминати, абы прудко присилали. Тому козакови мусилемъ за дорогу 15 золотыхъ, ад ъіаіоеш десять, а ваша милость маете му дати тамъ пять, а притомъ абысь его ваша милость humanissime (ut solet) приняти рачилъ, и ему и коневи, нимъ его ваша милость одправишъ, не жалуючи стравы. Ширей выписалемъ до пановъ братій вашей милостй. Ваша милость зъ того листу вырозумѣти будешъ рачилъ. А я тежъ особливои за послуги мои хути ихъ милостей выгледаю. А вашу милость,

моего милостивого отца, котораго я a minoreennitate additum ку собѣ зналемъ, прошу, абысь мя въ молитвахъ своихъ святыхъ не препоминалъ при офери святой, iterato o oremus прошу. А затымъ всѣмъ ихъ милостямъ отцемъ чоломъ, бъючи, вашей милости, моему милостивому отцу, якъ найпилней съ послугами моими оддаюся. Зъ Варшавы 3 мая 1644. Вашей милости моего милостивого отца и добродѣя зычливый слуга Вавринецъ Зычевскій.

Заразъ по томъ листи, великіе утиски и кривды отъ иновѣрныхъ и одъ уніатовъ проклятыхъ мѣлемъ (о чомъ естъ нижей въ Новинахъ), ижъ взновилася першая церковная справа. Въ тотъ часъ взято мя до вязеня одъ короля пана (якъ бы о Дмитровича, царевича Московского) до Варшавы, и былемъ въ оковахъ презъ рокъ и болшъ. Тамъ же я, зъ везеня указавши невинность мою взглядомъ царевича Московского, объясняю о собѣ нендзномъ, же естемъ слугою Бозскимъ и въ якой справѣ одъ давного часу волею Бозскою услугую, и власне подъ часъ сейму року 1645, гды кроль панъ зъ другою южъ малжонкою женитися мЪлъ, выписалъ Новины православнымъ.

НОВИНЫ

Правовѣрнымъ пожаданые о успокоеніи вѣры и церкви православной восточной, якъ бы супликуючи презъ нихъ до кроля пана и до сенату его всего, ведлугъ титуловъ кождого, въ тые слова:

Наяснѣйшій по Іисусѣ Христѣ, кролю Полскій, пане, пане и добродѣю мой велце милостивый! Яко вѣрный подданный вашое кролевское милости пана а пана мнѣ милостивого, я, убогій законникъ чину св. Василіа Великого, такъ вашой кролевской милости, пану мнѣ милостивому, якъ и всѣмъ станомъ вышшимъ, среднимъ и нижшимъ, ознаймую, ижъ запевне-запевне хотѣлемъ и готовалемся, южъ справою Духа Святого (якъ тому простымъ сердцемъ вѣрую) на сейми валномъ, въ року теразнЪйшомъ 1645, на пересторогу всего христіанства, подъ той часъ схилку свѣта (въ чомъ воля Творци нашого естъ), списавши въ килка десять фастикуловъ въ костелѣ Варшавскомъ, при бытности вашой кролевской милости, якъ найспокойнѣйшій часъ, рознымъ особомъ и сенаторомъ подати,

оголосити и доводне, не самъ презъ себе, але о укрЪпляющемъ мя Ісусѣ Христѣ, довести и указати.

Лечъ дивные справы Бога, въ Тройцѣ Святой православно славимаго и Пречистое Богородици, Ходотайки, Благодѣтелки и Патронки нашое, упередивши той часъ передъ сеймомъ за килканадцать недѣль, якъ бы о причинѣ иншой, о Дмитровича, царевича Московского (а то власне прикладомъ слѣпорожденнаго воженя одъ суду до суду для лѣпшого обясненья такъ великои, страшнои, поважнои и святобливои справы свѣтлости, мовлю, всЪмъ пожаданое вѣры православное), взято мене до вязеня и въ оковы. За що я понижонымъ сердцемъ, якъ правовѣрный слуга Божій, православно Творцу моему подяковавши, о то изъ везеня, ведлугъ воли Бозскои и часу потребного, вспоможенемъ Пречистои Богородици, повинности моей досыть чиню: о воли Єго пресвятой и о собѣ нендзномъ обясняю такимъ порядкомъ:

Я то нендзный Афанасій Филиповичъ, который, праве зъ дѣтинства и отъ взятя розуму моего, ласкою Божею и молитвами Пречистои Богородици, въ вѣры православной и церкви правдивой Восточной статечнымъ будучи, по наукахъ церковно-рускихъ, служилемъ на розныхъ мѣстцахъ и у небожчика пана Сапеги, гетмана, 7 лѣтъ служилемъ за инспектора Дмитровичу, якомусь Царевичови Московскому, который, за вѣдомостю кроля Жигмонта Третего, въ опецѣ его былъ. Тамъ же, зрозумѣвши омылность свѣта того, чернцемъ зосталемъ, року 1627, у Вилни при церкви православной Святого Духа, рукоположеніемъ господина отца годной памети Іосифа Бобриковича, и былемъ зъ послушенства въ монастыру Кутеенскомъ подъ Оршею и и въ Межигорскомъ подъ Кіевомъ, презъ часъ немалый учачися воли Бозской и законного живота. Лечъ бываетъ въ законниковъ перемѣна. Зъ Межигоря послушне, гды знову ѣхати ми пришло, святои памети годный мужъ господинъ отецъ Коментарій, игуменъ на тотъ часъ Межигорскій при отцу Самоилу Борецкимъ, реклъ ми на ползу тые слова: брате Афанасій, чернецъ естесь въ монастырѣ Мирскомъ; принамнѣй тые три речи заховай. Першая - будъ послушнымъ старшимъ своимъ, другая - правила церковного пилнуй, третяя - бесѣдъ женскихъ стережися; тые гды, дастъ

Богъ, сохранишъ, спасешися и будешъ потребенъ на службу церкви Христовой. Иди съ миромъ! Идучи мнѣ до Вилна, за Чорнобилемъ предъ Мозиромъ, по взрѣчу Днѣпра, въ пущи на дорозѢ придалъ ми ся человѢкъ барзо хорый. Взялемъ его на себе и неслъ немало. Той человѣкъ потомъ (дивные справы въ таемницахъ Бозскихъ много зо мною мовивши) далъ ми имя найсолодшее, Іисусъ Христосъ, на сердце мое и указалъ ми, якъ тое маю заховати: 1) мѣрность зо всѣми людми въ пожитіи розумне мѣти; 2) послушенство, чистость и убозство заховати законное; 3) на смерть двоякую памятати уставичне; 4) воли Бозской завше-завше въ всемъ се оддавати: што я паметаючи (дару Бозского ведлугъ часу таити не треба) и по сесь часъ, выритое ласкою Єго святою, на сердцу своемъ маю; 5) если бы што противного воли Бозской зъ немощи ся тѣлеснои притрафило, то исповѣдью и покутою досконалою себе очищати.

Я то нендзный Афанасій, который зъ Вилня, по вступленю порядномъ на іерейство, зъ воли Бозской и старшихъ моихъ, былемъ намѣстникомъ въ монастыру Дубойскомъ, подъ Пинскомъ, тамъ презъ три лѣта зъ духами злыми, видомыми и невидомыми, барзо бѣдилемся. И гды князь Радивилъ, канцлеръ Литовскій, року 1636, именемъ Полоза утискуючи церковъ православную, одбиралъ монастыръ той Дубойскій на езуиты барзо мудріе, фундуючи ихъ въ мѣсти Пинскомъ, а въ тотъ часъ барзо страшніи видоки на неби и на земли (не презъ сонъ, але въ денъ и на явѣ, толко якъ въ захвиценю якомъ будучи) видилемъ: на небѣ - хмуры барзо гнѣвливые зъ войсками ушиковаными, на каране готовыми, и на земли - седмъ огнювъ пекелныхъ, на седмъ грѣховъ смертелныхъ зготованыхъ; зъ тыхъ огнювъ, въ пятомъ жаристомъ гнѣвѣ, трохъ особъ выразне видилемъ: нунціуша легата, въ коронѣ папежской, Жигмонта кроля и Сапегу, гетмана, за преслядоване церкви восточной барзо смутно седячихъ. Которое видѣне, гдымъ другимъ указовалъ, видите не могли. Толко одинъ святобливый мужъ господинъ отецъ Иларіонъ Денисовичъ, игуменъ Купятицкій и Пинскій, тые справы Бозскіе видилъ и дивовался. Подстаростій Пинскій, панъ Огродинскій, незадолго потомъ, гды заѣждзалъ тотъ монастыръ, голосно волалъ: отцеве! для Бога, што то естъ?! Страхъ мя здыймуетъ; чи не

машъ якои здрады: пале подъ мостомъ чи не подпилованы? Отцеве, для Бога, не жартомъ то мовлю, страхъ мя здоймуетъ! И долго ся трвожачи, ажъ за проводомъ отцевъ Виленскихъ, въ монастыръ зо всѣмъ поѣздомъ въѣхалъ и обнялъ. Я, зась зъ горливости моее до благочестіа святого, списавши жалосный листъ взглядомъ людей православныхъ, которыхъ тамъ не тисеча было, маючи добрую надѣю зъ вѣры православное, же ся тыи люде, або въ особѣ тыхъ людей вся церковъ Восточная до православіа святого маетъ вернути, и полецилемъ тотъ листъ Пречистои Богородици Купятицкой, зъ подписами рукъ людей годныхъ не мало. А мяновите подписался: отецъ Силвестеръ Краскіевичъ, игуменъ Циперскій, Леонтій Шицикъ, игуменъ Дубойскій, Іларіонъ Денисовичъ, игуменъ Купятицкій, Самоилъ Рогаля, друкаръ братства Виленского, Афанасій Филиповичъ, намѣстникъ Дубойскій, Себестіанъ Гуляницкій, урядникъ Дубойскій, Иванъ Крупка, писаръ Дубойскій провентовый, и иншихъ не мало. Мене зась одъ того часу въ монастыру Купятицкомъ на послушаніе оставлено, и былемъ терпливе.

Я то нендзный Афанасій, который, року 1637 съ Купятичъ для ялмужны на Бѣлую Русь будучи высланый, дивною справою Бозскою и переводомъ Пречистое Богородици Купятицкое (который образъ на граници Московской правдиве и на небѣ видѣный былъ), безъ писаня, чудовне столици Московской доѣхавши, за рѣкою Москвою, въ Ординской улици, на господи, тамъ даной, будучи, справедливе о томъ, што ся дѣяло въ дорозѣ, исторію списавши, царю Московскому, ведлугъ росказаня Бозского (якъ тому простымъ сердцемъ вѣрую), на задержанье и оборону и помножене вѣры святой православной подалемъ.

Я то нендзный Афанасій, который року 1640 послушне зъ Купятичъ за волею Бозскою (што доводно показуется) на игуменство церкви православное до Берестя Литовского (гдѢ то фундаментъ унеи проклятои стался) приѢхавши, права и привилея, на пергаменахъ найденые, зъ страшнымъ проклятствомъ на униты, до книгъ гродскихъ Берестейскихъ актиковалемъ и оголосилемъ въ церквя и на розныхъ мѣстцахъ, волею Бозскою указуючи, же тое роздѣлене Руси а приняте унеи, незвычайнымъ способомъ зъ неналежнымъ

пастыремъ, есть барзо проклятое. Потомъ, зъ метрикъ вашой кролевской милости Варшавскихъ екстрактами тые справы повыймовавши ново, привилей съ потверженьемъ оныхъ правъ на церковъ православную Берестейскую одъ вашое кролевское милости, пана намъ щасливе пануючого, Владыслава Четвертого, съ подписомъ руки, набылемъ. Але запечатовати его ксіонже канцлеръ и ксіондзъ подканцлерій и за тридцать таляровъ твардыхъ не хотѣли. И гдымъ былъ въ покояхъ ихъ милостей, мовили до мене: будете всѣ уніатами, то дармо запечатуемъ; бо вѣдайте, же подъ клятвою намъ заказано отъ святого отца папежа, абы южъ болшей вѣра Грецкая тутъ не множалася. На тотъ часъ и ксіонже Клецкій въ покою ксіонжеця канцлера былъ и причинялся, прочитавши привилей, абы запечатовано. Лечъ жаднымъ способомъ не запечатовали.

Потомъ пришолемъ до старшихъ отцевъ моихъ, а о то зрозумЪлемъ, же кождый зъ нихъ свою привату уганяетъ. Господинъ отецъ Коссовъ двохъ тисечей золотыхъ въ кождый рокъ на владыцство Могилевское доходитъ; отецъ Гулевичъ баницію зъ себе зноситъ, владыцство і іемыское пустивши въ вЪчность (якъ въ конституціи написано) на унею; отецъ Жолудъ цегелню толко въ Вилню правомъ сталюетъ; отецъ Шицикъ привиля, оденъ собѣ на архимандрію Овруцкую, а другій Филатею на игуменство Золотоверхого Михаила набываетъ. Єдинъ господинъ отецъ Варлаамъ Дѣдковскій святобливе къ справахъ церкви Печерской зъ розсудкомъ духовнымъ працовалъ. Иншіе отцеве всѣ и законники въ своихъ приватахъ приѣхали, и мовятъ зъ собою: я маю, я маю зъ потребу у себе церквей; якъ собѣ хто хочетъ; нехай ся домовляетъ; я не дбаю. И южъ о грунтовнымъ успокоеню вѣры православнои ани зменки было.

Мѣщане зась убогіе зъ Люблина, Сокаля, Орши, Пинска, Бѣлска, Кобрыня, Берестя и зъ иншихъ мѣстъ и мѣстечокъ плачливе ляментуютъ, же южъ не маютъ и людей, зъ кимъ бы церквей своихъ доходити могли! Нимашъ отца и мужа святого Леонтіа Карповича, архимандриты Виленского, и отца Іосифа Бобриковича, старшого Виленского! Нимашъ мужей памяти годныхъ Михаила Кропивницкого, Лаврентіа Древинского и пана Мефодіа Киселя, зъ колегами его, въ полѣ рицерскомъ не

стало, абы о успокоене грунтовное вѣры православное Грецкое домовлялися! Немашъ въ набоженствѣ належномъ ведлугъ сумнѣня православныхъ людей волности южъ и за гроши! Ахъ, бѣдажъ! Креста не принявши дѣтки а дорослые безъ шлюбовъ живутъ, а умерлыхъ въ поляхъ, въ огородахъ и въ пивницахъ потаемне въ ночи погребаютъ! Немашъ, мовлю, волности южъ и за гроши! Надъ турецкую неволю, тутъ въ панствѣ христіанскомъ православные люде болшую неволю терпятъ и маютъ! Бо оршане бѣдные за тое, що въ братствѣ своемъ новую церковъ збудовали, двѣстѣ червоныхъ золотыхъ подканцлерому за печать давали. А сокаляне сто червоныхъ золотыхъ и пятдесятъ коровъ до фолварку особы едной за причину толко давали. И иншіе также барзо ся убіали, а ничого южъ не справили. Якожъ и прошлыхъ часовъ, противники правды святой, умыслне (поджогою духа злого) хотячи вынищити тутъ въ панствѣ христіанскомъ вѣру православную Грецкую, одъ сейму до сейму незбожне огризуючи одкладали; наостатокъ, торгаючи сеймы, и докладати южъ въ конституціахъ, абы укрывжоная усправедливене мѣла, не зезволяли.

Тое все выбачивши, я, нендзный зъ дару Духа Святого, якъ тому простымъ сердцемъ вѣрую, шолемъ до господы, за "Панну-Марѣю", презъ новое мѣсто въ Варшавѣ, мыслячи въ собѣ презъ имя Іисусъ Христово, въ сердцу моемъ нарисованое, и зъ горливости вызнаня православного мовячи: о, Боже справедливый! Якъ то ваги несправедливости южъ-южъ до самого центрумъ и крѣсу препали; южъ-южъ и сами отцеве наши старшіи въ вѣры православной о помноженю хвалы Бозское не дбаютъ; южъ вси якъ бы ся ее встыдаютъ; а што болшая - нѣкоторые, для гоноровъ и свободы свѣта того, латиною и много о собѣ розумѣньемъ ошуканы будучи (ахъ, бѣдажъ!), зъ вѣры правдивое до иншое вѣрки, якъ Смотрицкій, Скуминовичъ и иншіе, небачне перекидаются; и всѣ немаль зъ латинниковъ нашихъ милыхъ, праве въ еденъ струпъ злѣвшися, власне южъ въ вонтпливость людемъ простымъ вѣру правдивую и церковъ Всходнюю подаютъ и, якъ бы храмлючи, волаютъ: о, и тая, о, и тая вѣра есть добрая! А то быть не може, абы много вѣръ мѣло быти добрыхъ, бо

написано: единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе и прочее. Тое мыслячи, обачилемъ невѣсту, одъ костела Панны Маріи якъ бы въ роспачи обнаженно бѣгучую и волаючую зъ великимъ ляментомъ, руки вложивши на голову: згинуламъ! взято ми зъ ложка взголовье и колдру. Помыслилемъ въ собѣ презъ имя Іисусъ Христово: такъ теперъ церковъ православная тутъ въ панствѣ томъ христіанскомъ ляментуетъ, въ окраденю одъ злодѣевъ полуденныхъ (то есть уніатовъ проклятыхъ) ложа мысленнаго Соломона и въ обнаженю зъ покрытя еи прекраснаго (бо въ тотъ же часъ превротникъ якійсь, злодій и блюзнерца Касянъ выдалъ книжку, обнажаючи сакраменга пресвятые церкви православнои Восточнои). Тое мыслячи, гдымъ поровнался истемъ зъ тоею невѣстою, далемъ ей червоный золотый, мовячи: купи собѣ што можешъ. А о то заразъ палъ на мене Духъ Святый въ плачливомъ жалю и долго въ томъ ревливе плакалемъ. Потомъ въ господи, у Стефана Русина Пикаря въ коморци, гдымъ одправовалъ акафистъ до Пречистои Богородици, теды, власне въ тыхъ словахъ: отъ всѣхъ насъ бѣдъ свободи, барзо ретелный голосъ одъ образу Пречистои Богородици слышати было таковый: о, Афанасій, супликуй теперъ на сейми презъ образъ Мой, въ крестѣ изображенный Купятицкій, до кроля Полского и Речи Посполитое, грозячи правдивымъ гнѣвомъ и страшнымъ судомъ Божіимъ, который правдиве южъ-южъ приходитъ, если ся не обачатъ; нехай же первѣй унею тую проклятую вѣчне зганятъ, бо того впродъ потреба, и може быть еще добре.

За росказаня теды я Пречистое Богородици и моцью Честнаго Креста о имени Іисусъ Христовѣ, якъ тое ся и объясняетъ, року 1643, права маючи добріи, якъ играчъ якій, маючи карту добрую, и якъ Иліа Пророкъ горливостью до православнои вѣры, въ Варшавѣ, на сейми валномъ, образъ іпречистои Богородици, въ крестѣ изображенный Купятицкій, въ седми штукахъ, на плотни малеваныхъ, зъ гисторіею Московскою (вѣрность въ томъ вашой кролевской милости, пану моему милостивому, освѣдчаючи) и зъ написомъ, на пересторогу гнѣву Божого и страшного суду Єго, вмѣсто суплики отъ церкве Всходнеи, въ замку и въ избѣ сенаторской, предъ маестатомъ и обецностю вашое кролевское милости, пана мнѣ милостивого, певнымъ а

велце поважнымъ особомъ самъ очевисто, а въ рицерскомъ коли презъ діакона моего нѣкоторымъ особамъ также значнымъ,- подавалемъ и голосно, ведлугъ прейзреня Бозского, права показуючи, волалемъ: Наяснѣйшій кролю Полскій, панъ мой милостивый, о то кривду незносную маемъ. Не хочутъ намъ, людемъ правовѣрнымъ, въ справахъ побожныхъ церковныхъ привилеовъ печатовати, не хочутъ насъ ведлугъ правъ заховати поприсяжоныхъ вашой кролевской милости, и, южъ то отъ пятидесятъ лѣтъ, вѣра правдивая и церковь Восточная Грецкая, подъ вами, паны христіанскими, въ кролевствѣ Полскомъ, для збытковъ унеи проклятои, ажъ назбытъ утиски терпитъ. А то - за причиною и помочю ненавистныхъ каплановъ рымскихъ, а найбарзѣй езуитовъ барзо мудрыхъ. Которые то езуиты, внутрности людскіе въ дѣткахъ малыхъ отливными словы на науки облудные и на титулы высокіе побравши, въ школахъ комедіи строячи, въ костелахъ катедры маючи, и книжки переницованые, измышленые ошуканемъ шатанскимъ, выдаючи, незбожне до людей простшихъ, потаковниковъ своихъ, въ огиду подаютъ и преслядуютъ правовѣрныхъ христанъ, сами будучи неправовѣрные.

Я то, нендзный Афанасій, который назавтрее, въ суботу, ведлугъ росказаня нѣкоторыхъ пановъ сенаторовъ, самъ пришолемъ зъ діакономъ моимъ Леонтіемъ до пана Опалинского, маршалка, даючи о собѣ справу, а одъ пана маршалка посланый былемъ до его милости ксіондза бискупа Познанского, наимя Андрея Шолдровского, человѣка велце уважного, о которомъ и его милость отецъ нашъ метрополитъ Могила мовилъ (гдымъ былъ въ Кіеви слышалъ): добрый то мой пріатель. Тотъ, у вечеръ приѣхавши, зъ сенату одъ вашей кролевской милости, тую потѣху рачилъ намъ ознаймити, же король, панъ нашъ милостивый, казалъ запечатовати вамъ тотъ привилей, которого потребуете; прійдѣте ютро до подканцлерого, а теперъ идѣте до господы.

Я то, нендзный Афанасій, который одъ своихъ отцевъ старшихъ до запечатованя привилею недопущоный и злыми словы зганеный, за шаленого менованый, а згола въ всемъ (Пане Боже, имъ прости!) уруганый, оплваный и осмѣяный и обвиненый зосталемъ, а за тое самое, жемъ ся ихъ не

докладалъ, справуючи тые суплики (если то слушно докладатися въ такихъ таемницахъ Бозскихъ). Ахъ, бида жъ мудрымъ зъ латины до чого пришло! Южъ ничого вѣры не прикладаютъ и воли Бозской не послушаютъ, але, все на себе и на розумы свои принявши, свого волю полнятъ и свои своихъ гнембятъ. Бо тамъ заразъ въ Варшавѣ, на Долгой улици, въ господи одверного вашой королевской милости, наимя Яна Желязовского, презъ килка недѣль ажъ до розъѣзду сеймового въ вязеню нендзно мя зъ діакономъ моимъ Леонтіемъ вязили и трапили. Съ которого то вязеня не могучи я жаднымъ способомъ (въ справи такъ знаменитой церковной, которая ся точитъ ведлугъ воли Бозской) до розсудку ихъ духовного повабити и привести (о то ревностю Дому Божого запалившися и собою взгордивши, не будучи шаленымъ и овшемъ маючи имя Іисусъ Христово, на сердцу моемъ выритое, толко для самого упаметаняся старшихъ отцевъ моихъ, доброволне не жалуючи обнажити себе и въ болотѣ ся помазати, абы Церковъ, облюбеница Христова, одѣта и очищена была), шалемнымъ якъ бы учинившися[3] изъ везеня самъ вчесне вышедши наго, толко каптуръ и парамантъ для знаку законного на собѣ маючи, въ болотѣ ввесь поплюскавшися и костуромъ себе бючи, по улицахъ Варшавскихъ бѣгалъ и волалъ великимъ голосомъ: бѣда проклятымъ и невѣрнымъ! бѣда проклятымъ и невѣрнымъ! Vж maledictis et infidelibus! Што постерегши въ господи, челядь владычая слѣдъ пошляковали и бѣгучого мене южъ до брами Краковское (бо хотѣлемъ въ рынку въ костелы ввѣгати и волати тые жъ слова, а то въ день Звѣствованя, по-новому: бѣда, бѣда проклятымъ и невѣрнымъ!, тамъ теды подъ брамою мя обскочили и, потрутивши въ болото, въ колѣно и болшъ глубокое, стали надо мною зъ великимъ тумултомъ людей презъ долгій часъ, ажъ зъ господы возъ привезено. Тогды я, нендзный Афанасій, якъ бы умерлымъ удаючися, великое зимно терпѣлъ (бо мѣсецъ былъ марецъ) и южъ якъ бы ледво живый на вози до господы владычей привезеный и знову до вязеня вкиненый былъ.

[3] *На полях спасылка - **юродство доброволное для Христа***

Я то, нендзный Афанасій, который обвиненый будучи за суплики презъ образы Пречистои Богородици, въ сенати поданые, и за обнаженеся мое для Церкви Христовы, якъ бы шаленое, инстигаціею якогось Даниловича, писара владычого, одъ старшихъ отцевъ (до мене ведлугъ діоцезіи и мѣстца сеймового въ справи той судити неналежныхъ) былемъ сужоный, декретованый, презвитерства и Ігуменства деградованый. И южъ на вмъзди зъ Варшавы, не маючи гдѣ мя подѣти, былемъ пресыланый одъ господы до господы: отъ отца владыки до ігумена Луцкого, одъ того до старшого Виленского, зъ господы знову до отца Косова за Вислу рѣку човномъ проважено, зъ-за Вислы повторе до Варшавы проважено до отца старшого Виленского, господу на лазни маючого. Старшій Виленскій, выѣждзаючи, казалъ челяди своей оддати мене до отца Шицика подъ генсіорекъ; тотъ потрете перевозитъ мя презъ Вислу. Одтоль же хотѣлемъ догледѣти, абы запечатовано привилей (ведлугъ ознайменя бискупьего) у подканцлерого. Не давши ми вѣры въ томъ, отцеве старшіи мои провадятъ зъ Варшавы до Кіева. Въ Кіеви жаденъ мя не спыталъ, што бымъ кому былъ виненъ, презъ часъ немалый. Што мя барзо фрасовало, звлаща видячи, же о покой церковный и о помножене хвалы Бозское не дбаютъ. А надто трапили мя огнѣ алхимицкіе, которіе палено въ седми печкахъ на ошукане особы еднои, на которой, ведлугъ того часу, много бы належало взглядомъ вѣры православной и церкви Восточной, о чомъ ся ознаймовалемъ одчасти господину отцу Зосиму Печерскому и отцу Іосифу Дунаевскому.

Я то, нендзный Афанасій, который знову (ведлугъ злого уданя), за росказанемъ его милости отца нашего метрополиты Кіевского Петра Могилы, въ консисторіи Кіевской отъ духовныхъ отцевъ, якъ злочинца якій, сужоный былемъ,- на томъ судѣ, гдымъ припомнилъ, якъ мя въ Варшавѣ водили одъ господы до господы, отецъ Гизель рекъ: якъ одъ Аннаша до Каифаша. Потомъ видили, жемъ и безъ позву нань сталъ, инстигатора не мѣлемъ, заразъ одъ всего, безъ декрету, волнымъ мя учинили, и, за благословеніемъ его милости отца нашего метрополиты Кіевского и всея Русі, ексархи святого апостолского фрону Константинополского, Петра Могилы,

одправовалемъ литургіи святыя такъ въ печерахъ, якъ и на великомъ престоли въ церкви Успеніа Пречистой Богородици Печерскои чудотворнои, зъ діакономъ меамъ і частокротне. А той судъ и декретъ, неслушне на мене въ Варшави учиненый, потлуменый зосталъ безвѣстне.

Я то, нендзный Афанасій, которій, первѣй за волею Бозскою, а потомъ и за благословеніемъ листовнымъ его милости отца нашего метрополиты Кіевского, зъ напомненемъ пастырскимъ, знову, ведлугъ жаданя братства православного Берестейского, на ігуменство присланый, гдѣ, въ монастыру убогомъ зъ братіею моею законною колконадцатми (що вѣдомо Богу и людемъ) пристойне живучи, мѣлемъ такъ я самъ, яко и братіа моя (а мѣщане убогіи зособна) одъ студентовъ своеволныхъ езуитскихъ и одъ поповъ унитскихъ, непоеднокротъ битя, мордованя, ругганя, на монастыръ нахоженя, дорогою истья презъ ринокъ зъ святостями вшелякими забороненя и незносніи утрапеня. Въ Кобриню Облочинскій якійсь, архимандритомъ унитскимъ мянуючійся, на дорози доброволной, законниковъ, на моихъ коняхъ до мене зъ Купятичъ посланыхъ, гвалтовне забравши (о, бида жъ!), священноинокови бороду урѣзалъ, діакона обнажилъ и выгналъ ихъ; а кони два зъ возомъ зъ речами на килкасотъ золотыхъ заграбилъ. И одъ иншихъ на многихъ мѣстцахъ барзо великіе кривды и бѣды мѣлемъ и мѣвалисмо.

Въ певныхъ теды потребахъ церковныхъ и монастырскихъ, особливымъ прейзренемъ Бозскимъ, ѣздилемъ до Кракова. Тамъ будучи у его милости пана Сапѣги, воеводы Новогродского, просилемъ, яко добродѣя своего (бо на его милости грунти мѣшкаемъ), абы зъ ласки своеи зъеднати рачилъ у вашой кролевской милости листъ упоминалный до тыхъ кривдниковъ, для того, же у кождого права намъ, православнымъ христіаномъ, о справедливость трудно. На кождомъ мѣстцу, въ дворахъ и въ судахъ, ругаются зъ насъ и гучатъ на насъ: гугу, русинъ, люпусъ, реліа, господи-помилуй, схизматикъ, турко-гречинъ, одщепенецъ, Наливайко и болшей того, хто ихъ вѣдаетъ, якъ на огиду насъ подаючи до людей, навымышляли. О тожъ, ведлугъ того теды утрапеня нашего и ругганя, листу упоминалного до тыхъ кривдниковъ просилемъ.

Але убогихъ утрапене - паномъ жарты,- реклъ: попъ зъ попомъ побился - що ми за речъ? будте уніатами, будте, то въ покою будете жити, або идѣте собѣ до ихъ старшихъ по справедливость, и листъ, тутъ до мене писаный, въ которомъ признаваетъ, же вамъ кривду учинилъ, о то вамъ на свѣдѣцтво до права отдаю. А тутъ дармо есте проклусалися и стравили килкадесятъ золотыхъ. Зачимъ я далемъ всему покой. Толко порекреовавши вколо мѣста зъ оказіи для ялмужны (а снатъ и прейзренемъ Бозскимъ), былемъ у посла Московского, припоминаючи ему и бытье мое опатрностью Бозскою, року 1638, въ столици Московской. А гдымъ былъ пытанъ о Дмитровичу, о которомъ, подъ небытность мою въ Берестю, южъ ся и довѢдали одъ пана Галенского, намѣстника гродского, въ якомъ онъ тутъ титули и выхованю, а я реклемъ: Дмитровичъ и самъ о себѣ не вѣдаетъ, хто есть, поготову жаденъ, аже не подписуется царевичомъ. Я, якъ невѣдомый жаднои хитрости и не маючи полеценя ни отъ кого въ таемницахъ о немъ, далемъ картку его, до мене зъ господы писаную, зъ подписомъ руки въ тые слова: Янъ Фавстинъ Дмитровичъ.

Съ Кракова ѣхалемъ до Варшавы для выкупеня привилею, о которомъ презъ писане юристы, наимя Зычевского, мѣлемъ вѣдомость, же тотъ привилей, которогомъ на сейми потребовалъ, есть южъ запечатованъ. Але же за тую печать хотѣлъ шести тисячи золотыхъ, мянуючи: о немъ то презъ езуитовъ справилъ, а коштомъ моимъ великимъ. Я зась, убогій, до задатку першого десяти червоныхъ золотыхъ (на которые и теперь церографъ его маю), давалемъ еще двадцать червоныхъ золотыхъ, а наболшей обликъ давалемъ. Але же не взялъ. Теды я, огледѣвши тотъ привилей запечатованый а постерегши, же его въ метрикахъ немашъ, болшей не убивалемся: полецилемъ все воли Бозской и часови щасливому.

Приѣхавши я до братіи моей, до Берестя, рихло потомъ въ кляштори отцовъ барнадиновъ першій разъ зъ сцептрумъ, умысломъ звитязства (бо видилемъ запечатаный привилей), далемъ образъ Пречистои Богородици въ крестѣ Купятицкій вымалевати. Вымалеваный гдѣ ми принесено, за червоный золотый одержалемъ его. И маючи въ целіи моей, гдымъ

ведлугъ часу предъ тымъ образомъ одправовалъ молитвы, натыхъмѣстъ, якъ и прошлыхъ часовъ, барзо-барзо великій страхъ палъ на мене, и власне одъ образа того слышати было голосъ таковый: о, Афанасій, супликуй еще презъ образъ мой въ крестѣ Купятицкій на сейми пришломъ до кроля Полского и до Речи Посполитое о вынищене грунтовное унеи проклятои. Добре будетъ, если услухаютъ и вынищатъ еи: поживутъ еще въ приданыхъ лѣтахъ щасливе, ибо и планеты указуютъ Меркуріуша для Венери ласкавость въ тыхъ лѣтехъ. А порядокъ Сына Моего въ суженю: первѣй пытати Адама, потомъ Евы; на остатку декретъ страшный якъ слово вымовити злому будетъ за вырече́немъ слова. По томъ теды я престрашеню, барзо слабый былемъ пять дній, правдиве ани пилемъ, ани ѣлъ, мыслячи што чинити: бѣда мнѣ мовити таковые речи и на таковомъ мѣстцу, бѣда не мовити справъ Бозскихъ! Постановилемъ въ собѣ, еднакъ, мовити. Натыхъмѣстъ пришло ми вырозумѣне и побудка зъ дару Духа Святого (якъ тому простымъ сердцемъ вѣрую), же уніаты волею своею одъ Рымлянъ ошуканы, а Рымляне мяновите въ постановеню Бозскомъ и порядку духовномъ ошуканы отъ шатана проклятого. Образъ Богородици и тое справуетъ, абы всѣ и геретици узнали, же есть правдиве Кролевою Небесною и Добродѣйкою великою всему народу людскому, ведлугъ прироженя, а затымъ и всѣ святыи Божіи. Крестъ знаменуетъ (якъ хоругвъ гербовая) пристье Христово на судъ справедливый барзо-барзо прудко. Ознаймуй же, Афанасій, о тыхъ справахъ Моихъ и неодкладне волай, голоси, якъ труба найкриклившая, верещи, бо часъ тому. Абы вси, що именемъ Іисусъ Христовымъ титулуются, до направы пришли, то естъ: отщепенци и геретики, лютеране, аріане, нуріане, сасове, звинґліане и иншіе, тымъ подобные, што ено вѣруютъ въ Христа Господа, абы въ порядокъ правдивый, духовный, седми сенодами постановленый, пришли, то есть: на правицу теперь прихилилися и прилучили, бо врихлѣ не будутъ часу мѣти до покуты. А войну мѣти съ потребы и слушне съ поганы и невѣрными Христови, абы былъ надъ всѣми еденъ пастырь Іисусъ Христосъ, а не папежъ, и една овчарня Іисусъ Христова, а не папежова, бо тежъ не папежъ въ евангеліи святомъ

мовитъ: ины овца имамъ, яже не суть отъ двора сего, и тыя ми подобаетъ привести и гласъ мой услышатъ: и будетъ едино стадо и единъ пастыръ.

Таковою теды я, нендзный Афанасій, волею Бозскою примушоный будучи, южемъ былъ почалъ се готовати на высокомъ театрумъ свѣта того, сейму, мовлю, валного, въ Полщи будучого, предъ всѣмъ гминомъ людскимъ: въ костелѣ, подъ бытность вашой королевской милости, по прочитаню евангеліи, въ казаню, поднести писаня въ килкадесятъ фастикулахъ, зъ образами Пречистои Богородици Купятицкои и зъ гисторіею Московскою (якъ и на прошломъ сеймѣ въ сенатѣ), а рознымъ станомъ короннымъ и великого князства Литовского, также купцомъ чужеземцомъ (которыи если бы были), на розныхъ мѣстцахъ потрафляючи въ найлѣпшее оголошене, зачатую справу подати и обяснити, за причиною Пречистои Богородици и всѣхъ святыхъ, чого по насъ въ тыхъ схилку лѣтъ и страшного суду Богъ Всемогущій потребуетъ.

Щожъ я, нендзный робакъ, за обмову о собѣ дамъ, гды то Творца мой Іисусъ Христосъ и Матка Его Пречистая Богородица Купятицкая такъ трудную, дивную и барзо великую справу и послугу на мене, покорного, якъ на быдлятко Валаамово, вложити зезволили? О, Іисусе Христе, мой Одкупителю! Чи не волѣлъ бымъ я, нендзный, сидѣти въ монастыру, якъ другіи духовныи отцеве и братіи мои, молячися Тебѣ, Творцу моему, за себе и за всю владзу, духовную и свѣтскую, а особливе за добродѣевъ моихъ? Чи не уважалемъ я того собѣ? Уважалемъ и уважаю, дивуючися непонятымъ справамъ Его святымъ. Подаю то до побожного уваженя вашеи кролевской милости пану и добродѣеви мнѣ велце милостивому, што бымъ я мѣлъ чинити нендзный чловѣкъ, простакъ, гарбарчикъ, калугеръ убогій, межи монархами свѣта, вашою кролевскою милостью и царомъ Московскимъ, гды бы не было въ томъ особливои воли и опатрности Бога въ Тройци Святой Единого? Поневажъ самъ рачитъ мовити: безъ мене не можете творити ничегоже.

Русь же одъ патріархи Константинополского Нового Рыму по Володимеру князю зъ прейзреню Божого окрестилася року

Божого 987, въ двадцатъ лѣтъ и двѣ по полякахъ. И одъ того тамъ часу до патріархи Константинополского въ духовное послушенство и благословенство належитъ. Тое многимъ вѣдомо, а невѣдомыи нехай въ Длугоша, каноника Краковского, и въ иншіе лѣтописци вейзрятъ.

Унея же есть проклятая - правомъ доводне ся доказуетъ. Хто колвекъ отбѣжитъ пастыра[4] своего власного, благословенного и братства а удастся до другого, собѣ неналежного, тотъ нехай будетъ проклятый отъ Отца и Сына и Святого Духа; нехай будетъ и по смерти не раздрѣшенъ; нехай будетъ мѣти клятву отцевъ святыхъ, што сенодовали въ Никеи, и всѣхъ святыхъ Божіихъ! А той то[5] пастыръ и отецъ духовный правдиве такъ вязалъ. Которому правдиве, ведлугъ воли Божіей, межи пятми столицами духовными на томъ дочасномъ свѣтѣ, съ певныхъ а тыхъ барзо важныхъ причинъ и таемницъ Бозскихъ, Духомъ Святымъ утвороныхъ и споряжоныхъ, межи столицами, мовлю, пятма: Константинополскою, Антіохійскою, Рымскою, Алеандрійскою, Іерусалимскою, - едина владза и ровность духовнои владзы зъ иншими столицами Константинополской дана есть, владза правдивымъ порядкомъ звязовати и розвязовати, ведлугъ росказаня Христова: глаголю вамъ, его же свяжете на земли, будетъ связанъ и на небеси, а его же раздрѣшите на земли, будетъ раздрѣшенъ и на небеси. Хто того не вѣдаетъ, же унитъ тотъ, который одбѣгъ пастыра своего власного для своее воли, есть правдиве проклятъ, а меновите тотъ, который безъ сповѣди и покаянія належного изшолъ зъ того свѣта.

Вѣдати и тое потреба, якъ люциперови зъ найвишшого неба зтручене, такъ унитови зъ церковного неба, для пожаданя столка сенаторского, проклятство ся стало. Грѣхъ Содомскій и иншіе великіе своеволи въ велебныхъ отцевъ, для певныхъ сродковъ, опущаются, лечъ пыха проклятая найбарзѣй ся ганити муситъ. Потій, предъ владыцтвомъ, каштеляномъ Берестейскимъ будучи, мѣлъ столокъ въ сенатѣ. Гды зась зосталъ владыкою, оного ему умкнено. Зачимъ розумѣючи о собѣ

[4] *На полі спасылка:* ***власть епископа Хребтовича Богуринского***
[5] *На полі спасылка:* ***владза патріаршая***

много, въ розныхъ особахъ и у пана Виленского Ходкіевича порады шукалъ и бадался: чему то подъ королемъ Полскимъ волности маемъ сполные, а не засѣдаемъ столковъ зъ бискупами? Теды духовные Рымскіе порадили оному, же за причиною короля пана: гды будете мѣти одъ отца святого, Старого Риму папежа, благословенство, то латво вамъ будетъ мѣти межи нами и столокъ сенаторскій. Потій теды, для самого столка сенаторского, зъ Терлецкимъ, зъ Рогозою и зъ иншими наслѣдовцами своими, таемне намовившися, выборнѣйшихъ людей правовѣрныхъ зъ народу Руського, такъ княжатъ, пановъ, яко и земянъ обывателей нѣкоторыхъ, въ реестръ списалъ, именемъ всей церкви Руской православной Восточной, здрадливе, не помнячи на клятву, которую и самъ на себе писалъ и выдалъ, Рымскому папежови, ведлугъ принятя вѣры и креста святого, до народу Руского неналежачому, послушенство оддалъ. Єднакъ, за тое столка не одержалъ. Толко, зъ похлѣбства ксіенжій и порады ихъ особливой, ласку королевскую въ оборонѣ тоей унеи и фундацій ихъ церковныхъ до сего часу мѣлъ.

Одъ того теды часу, взявши ненависть, за злою оферою своею и за непорядным уроженемся въ той проклятой унеи,- якъ Каинъ Авеля и Измаилъ Ісаака, такъ проклятый унитъ православного брата своего забіялъ и преслядовалъ, и ажъ по сесь часъ, за помочью похлѣбцовъ и противныхъ правды святой ведлугъ часу за попущенемъ Божіимъ,- що хотѣлъ, то броилъ: людей убогихъ вшелякого стану - такъ въ братствахъ церковныхъ, якъ и въ радахъ вшелякихъ, судовыхъ и цеховыхъ будучихъ, потваряючи незбожне зо всего, що маютъ православные христіане - зъ вѣры православной, зъ сумненя чистого, зъ славы доброй и маетности и зо всего почтивого - злуплялъ, торгалъ и шарпалъ и розмаите мордовалъ и забивалъ; а надъ то - що болшая - церкви печатовалъ, одбиралъ, нищилъ, внивечъ оборочалъ; набоженства сумненью побожному волного заборонялъ; въ мѣстахъ, въ мѣстечкахъ и селахъ, въ добрахъ королевскихъ и шляхетскихъ, якъ то въ Люблини, Сокалю, въ Бѣлску, въ Полоцку, Витепску, Острогу, Львови, Грубешови, въ Белзи, Кобрыню, Берестю и въ иншихъ, ажъ назбытъ прикрости и злости выражалъ и преслядовалъ. Въ многихъ розныхъ мѣйсцахъ въ панствѣ томъ христіанскомъ

непотребные колотнѣ для тои проклятои унеи ажъ по сесь часъ дѣялися. На остатокъ, и зъ козаками внутрняя война непотребная, для тои унеи проклятои, была. Для тоей, милость немаль въ всѣхъ высхла; для тоей, похлѣбства, лакомства, зазрости, зрады, нецноты а найбарзѣй пыха ся проклятая замножила; для тоей, и порядокъ духовный и свѣтскій южъ-южъ погинулъ, о которомъ сами уже волаютъ: не рядомъ стоимо. Отожъ теперъ порядокъ, ведлугъ воли Бозской, стаетъ, теперъ часъ наступилъ роздѣленья благословенныхъ одъ проклятыхъ, теперь гнѣвъ справедливый Бозскій и судъ Єго страшный на лѣвицу пришолъ. Хто маетъ уха до слуханя, нехай слухаетъ, што ся то голоситъ, ведлугъ часу, мѣстца и потребы.

А що нѣкоторіи мовятъ: кролю пану до вѣры не належитъ; же волно якъ хотѣти вѣрити. Такъ есть. Не виненъ кроль панъ, гды хто въ духовной справи блудитъ. Але же, за помочью кролей ихъ милостей, тоя унея проклятая въ панствѣ томъ христіанскомъ зъ допущеня Бозского стала; треба справедливымъ судомъ, въ часѣ замирономъ, ведлугъ воли Бозской, абы за помочю кролевскою и упала. А хтожъ замѣшаня въ дому повиненъ успокоити, если не господаръ, звлаща добрый и чулый въ повинностяхъ своихъ? Велебные отцеве певне южъ того не поправятъ, бо самымъ имъ впродъ треба ся поправити! Южъ тутъ диспутаціи не треба! Прейзренемъ то Бозскимъ на елекціи щасливой медіаторомъ покою былъ ваша кролевская милость въ той справи, и на коронаціи зъ присягою зашла обѣтница грунтовне успокоити. А чему жъ ся не успокоила? Нехай же ся успокоитъ, бо южъ часъ пришолъ! Нехай кождый при своей сторонѣ, якъ собѣ подобалъ и заслужилъ, при той зостаетъ: благословенный по правици, а проклятый по ливици.

Стороны Дмитровича добре ся стало, за ласкою Божіею; же оного ваша кролевская милость, панъ мой милостивый, якъ правдивый въ пріазни до кождого, на признанье чимъ естъ - до царя Московского послати рачилъ. Неслушно бовѣмъ пану, зъ натуры и зъ дару особливого Бозского такъ будучи справедливымъ, мѣшатися въ справы несправедливые. Лацно познати кождому, гды бы былъ зъ Мнишковны, воеводзіанки Сендомирской Дмитровичомъ. Значная естъ фамиліа ихъ милостей пановъ Мнишковъ! Якъ панъ кухмистръ Коронный,

староста Осецкій, и иншіе одозвали бы ся въ повиновацтво, гдыжъ то великая речъ быти правдивымъ царскимъ сыномъ. До того еще зъ устъ небожчика Сапеги, гетмана, слышалемъ, гдымъ педагогомъ былъ. Просилемъ килима обить ему надъ лужкомъ; теды голосно зъ гнѣвомъ рекъ: на що обитя надъ лужкомъ? хто его вѣдаетъ, хто онъ есть. Я на то реклемъ: навѢжаючи шляхетскіе дѣтки при педагогахъ своихъ школные, пытаются въ кого бы былъ въ опецѣ. То онъ помысливши, заледве казалъ килимокъ и колдерку купити. Я потомъ врихлѣ законникомъ зосталемъ и теперь волею Божіею въ томъ ся найдую. Ово згола сумматимъ мовится: не на доброе онъ тутъ въ титули царскомъ почалъ ся ховати, бо много злого презъ него, якъ презъ инструментъ якій, своволною купою а хитростями барзо мудрихъ людей шатанъ проклятый, за допущенемъ Бозскимъ, могъ бы броити. Звлаща, гды бы ся повело шатанови въ цесарской сторонѣ, иншіе речи потомъ вѣдомы будутъ, бо нѣсть тайно, еже не откриется. Обѣдвѣ тыи справы, такъ о Дмитровича, якъ и о успокоене грунтовное вѢры православнои Грецкой,- кладу на шали уважного розсудку вашой кролевской милости, пана мнѣ милостивого. Вѣдаю, же лацно будетъ и справедливость святую познати, звлаща, гды не отъ тѣла и въ тѣли тквячимъ мниманьемъ, але безъ заслоны отъ души и въ души мѣшкаючимъ правымъ розумомъ тую такъ великую, ясную и важную речъ будутъ мѣрковати, бо до такой помѣри (зъ Липсіушомъ и Діоенесомъ филіозофами рекну) треба розуму, а не шнура.

Войска арматные, гды бы были миліонъ миліонами, трудно зъ Богомъ правдивымъ воевати,- кождый тое вѣдаетъ. Еще и тое докладается: войска, противные Богу и росказаню и спораженю Єго, не видячи непріятеля, сами ся порѣжутъ презъ незгоду свою. Треба тое памятати, абовѣмъ Богъ Всемогучій; въ часи замѣрономъ, якъ хто згрѣшитъ, такъ и караетъ: нерядъ нерядомъ стираетъ, который ся тутъ нерядъ ажъ назбытъ замножилъ, звлаща въ велебныхъ преложоныхъ.

А запытаетъ ли хто: чи пророкъ ты, що то мовишъ? Въ покори сердечной одповѣмъ: не пророкъ, толко слуга Бога Сотворителя моего, посланый ведлугъ часу, абымъ правду кождому мовилъ. Еще ли хто запытаетъ: а хто жъ того зъ тобою свѣдкомъ? Въ

боязни Божой одповѣдаю: таемницы Єго святыи не потребуютъ великого выбадываня, толко вѣры; Моисей самъ видилъ купину горящую а незгаряемую; также Петръ Святый - плащеницу ему спущеную зъ розными гадинами, абы кололъ и ѣлъ, самъ видилъ; а вси, дивуючися справамъ дивнымъ Бозскимъ, тому вѣруемо. Того жъ и тутъ потреба, гдыжъ вѣра не выдворная фундаментомъ есть кождому въ збавене, которая на доброй воли чловѣчей зависла.

О непорядку костела Рымского въ другомъ на-долъ стопню, зъ воли Бозской и часу замѣроного (звлаща, гды першій стопень щасливе въ скутку своемъ зостанетъ), отъ кого колвекъ правдиве ся укажетъ. Мене зась, нендзного Афанасіа, Богъ Сотворитель мой на тое власне послалъ, абымъ впродъ о вынищеню проклятои унеи оголосилъ и обяснилъ. Которую послугу волею Єго святою и помочью Пречистои Богородици съ повинности моей православно-служебничей доситъ учинилемъ, якъ то видити рачите. Згола есть на воли кождого вѣрити тому и не вѣрити. А я, на остатокъ, и въ пѣсни, въ турмѣ зложоной, се оголошаю нотно въ тые слова:

Даруй покой церкви своей, Христе Боже,
терпѣти болшъ, не вѣмъ, если хто зъ насъ зможе.
Дай помощъ отъ печали, абысмы вцѣли зостали
въ вѣри святой непорочной[6] въ милы лѣта,

гдыжъ приходятъ страшные дни въ конецъ свѣта,
вылучаешъ, хто зъ насъ, Пане,
по правици Твоей стане.
Звитяжай же зрайцовъ, первѣй уніатовъ,

препозитовъ, также и ихъ номинатовъ,
абы болшъ не колотили,
въ покою лѣтъ конецъ жили.
Потлуми всѣхъ противниковъ и ихъ рады,

абы болшей не чинили гнѣву и зрады
межи греки и рымляны,
гдыжъ то людъ твой естъ выбраный.

[6] *На полі спасылка:* ***кафалицкой***

Пришолъ той часъ роздѣленя зъ проклятыми:
не зъѣстъ хлѣба ошарпанецъ зъ везваными.
До темности каже втрутить,
звязаного въ вѣки мучить.

Тутъ южъ злости антихриста! Уніате,
кламцо и похлѣбцо, рожоный лжи брате!
Памятайся въ своей злости,
зажій на собѣ литости.

Пекло на тя горящее зготовано;
гордость твою и думы зле бы спаліоно.
Стережися того огня,
не вѣръ діаблу рукоимя.

Для тебе то церковъ грецка ляментуетъ:
въ многихъ мѣстцахъ много утисковъ пріймуетъ.
Перестань же такой злости,
не чини болшъ южъ прикрости.

Не барзо тебе Рымъ прагнетъ, и латина
може бовѣмъ обыйтися безъ русина.
Навернися до Всходнеи
церкви своеи святои.

Поможетъ въ томъ Пречистая и святыи,
молитвы свои даючи приемныи
въ славу Богу своему,
въ Тройци Святой единому.

Будь же сыномъ православнымъ, уніате,
естъ покута живымъ людемъ, милый брате!
Христосъ то тебе взываетъ,
и Пречистая чекаетъ.

Проситъ за тя зъ плачемъ горкимъ въ трубѣ страшной
Матка Сына въ крижу, мовячи мнѣ, жалосной
Теперь чловѣкъ ласку маетъ,
напотомъ болшъ не узнаетъя.

Хвалимъ же вси Христа и Творца нашего,
же намъ далъ южъ Матку неокрутно Єго -
речъ святая и знаки

неомылны суть навѣки. Аминъ.

При томъ, съ повинности моеи духовнои, въ особѣ всеи церкви Всходнеи, молитвы святыи въ побожность и приняте ласкавое вашой кролевской милости, пана мнѣ милостивого, залецивши, цѢлымъ сердцемъ прагну, абы Богъ Всесилный вашу кролевскую милость зо всѣмъ пресвѣтлымъ сенатомъ и панствомъ въ долгофортунные лѣта благословилъ, и помножалъ панство, и справовалъ найлѣпшій рядъ. Не толко зъ добрыхъ планетъ, Меркуріусъ, Геркулесъ, Іовишовъ сынъ, але самъ Творца всѣхъ тыхъ, Інсусъ Христосъ, Сынъ правдивого Бога Отца зъ Духомъ пресвятымъ, за повабою и ублагословенемъ пренаймилоснѣйшои Венеры, Маріи Пречистои Богородици, Кролевои Небеснои, абы имя тое вашое кролевское милости, Владиславъ, на земли и на неби зъ годными Богу владнуло славою на вѣки,- того вѣрне спріяючи, и облюбеницу мѣти зъ Москвы зычу. Бо и въ томъ значное, дастъ Богъ, будетъ надъ вашою кролевскою милостью благословенство Єго святое въ нынишнемъ и въ будущемъ вѣку. Аминъ.

Другій нижшій стопень, абы не труднилъ невѣдомыхъ мыслій людскихъ, барзо вкоротце а правдиве ся обясняетъ. Фундаментъ непорядку костела Рымского тотъ естъ власне, ижъ, еще передъ Фліоренскимъ сенодомъ, а найбарзЪй по сенодѣ, костелъ Рымскій, презъ папежовъ своихъ, одорвавшися самъ одинъ отъ братій своихъ чотыроxъ патріарховъ Восточныхъ, благословенства порядного не маетъ. АбовЪмъ не мнѣйшій старшого благословити повиненъ, але старшій мнѣйшого. Гдыжъ якъ сынъ не можетъ родити собѣ отца, такъ меншій благословити старшого; але власне отецъ родитъ сына, и старшій благословитъ меншого. Наприкладъ: хочъ бы и найболшъ было діаконовъ, не могутъ посвятити собѣ презвитера, тылко повиненъ епископъ зъ діакона посвятити священника. А если бы гдѣ такъ трафилося, ижъ бы діакони посвятили собѣ священника, албо священники епископа, теды муситъ ся признати, ижъ то зъ дефекту якогось стало, и непорядокъ значный бы ся оказалъ. Ведлугъ науки святого апостола Павла, безъ всякого прекословія меншее отъ болшого благословляется. Обачмы жъ тутъ: въ костелѣ Рымскомъ старшого повѣдаютъ быти папежа, а меншихъ одъ папежовъ

посвященныхъ кардиналовъ, власне якъ одъ отца сложоныхъ сыновъ. И такъ естъ. Гды умретъ который кардиналъ, може отецъ папежъ на мѣстце его уродити сына и найболшей примножити; але гды умретъ отецъ ихъ папежъ (бо смертелны естесмо), не могутъ кардинали, сынами будучи, родити собѣ отца, то есть, мнѣйшими будучи одъ папежа, посвятити собѣ папежа; але посвящаютъ владзою меншою, якую маютъ. То меншого себе посвящаютъ, а не старшого, хочъ (справою люциперскою) мниманемъ старшимъ называютъ!

Одъ того теды тамъ часу, мовлю, отъ одерваняся одъ церкви правдивои Всходнеи, то есть, одъ зволоченясе хоботомъ люциперскимъ отъ найвышшого неба церковного, завше ваги несправедливости на-долъ, на-долъ, на-долъ, на-долъ, на-долъ, на-долъ, на-долъ упадали, и ажъ до самого центрумъ пекелного упали. А такъ, поневажъ ся мѣра злости выполнила въ часи замѣронымъ, ото правдиве пришолъ страшный судъ Божій на роздѣлене благословенныхъ одъ проклятыхъ! Тылко еще за причиною Пречистои Богородици, Матки милосердя, надъ народомъ людскимъ срогости своеи Богъ Всемогучій фолгуетъ, и то взглядомъ посполства и убогихъ людей, которыхъ великое множство звлаща до Пречистои Богородици побожныхъ правдиве ся найдуетъ. Але панове и преложоные згола въ звѣровъ и птаховъ драпежныхъ ся перекинули и подобными стали, а праве южъ и надъ звѣровъ подданныхъ своихъ и убогихъ людей драпежатъ и надъ ними ся збыткуютъ. А тое вѣдати потреба, ижъ пыха и немилосердіе найбарзѣй готуютъ собѣ пекелныи вѣчныи муки. Ведлугъ выроку Духа Святого: не прійде ко Мнѣ нога гордыня, и рука грѣшнича да не подвижитъ Мене, то есть: пышный и немилосердый не дознаетъ милости отъ Бога Всемогучого.

А если хто спытаетъ: въ церкви Восточной що за порядокъ благословенства правого? Одповѣдается: гды патріарха, который въ часѣ замиронымъ и назначонымъ одъ Бога, предъ маестатъ Єго святы презъ смерть поволаный будетъ, теды на его мѣстце посвящаютъ не владыкове, не метрополиты, ани ексархи патріаршіе, але сами патріархи, ровныи межи собою

будучи братіа, въ столицахъ своихъ зособна мѣшкаючіи. За данемъ собѣ вѣдомости, зъѣхавшися, зешлому брату одправивши молитвы и учинивши памятку звыклую, обраного на его мѣстце два або три (для болшеи поваги и моци въ святости) прибывши, або презъ молитвы едностайнымъ умысломъ, порядкомъ правдивымъ духовнымъ, о имени Іисусъ Христовомъ оного благословятъ и посвящаютъ, ведлугъ науки Євангелскои: гдѣ два або три собрани во имя Мое, ту Азъ посредѣ ихъ есмъ. О тожъ сродкуетъ и порядокъ веде духовный самъ Іисусъ Христосъ въ церкви правдивой Всходней, а не якій охмистръ, або умоцованый змышліоный и видомая голова.

Суплика третяя, писаная року 1645-го

Наяснѣйшій кролю Полскій, панъ а панъ мой милостивый! Яко вѣрный подданый вашой кролевской милости, пана мнѣ милостивого, южъ то надъ утрапеного Вартимея, подъ Єрихономъ на дорози сѣдячого и волаючого: сыне Давидовъ, Іисусъ, помилуй мя, я, нендзный Афанасій, слуга Іисуса Христа, Господа моего и Пречистои Богородици, Патронки нашеи, не разъ, не два волалемъ, волаю и верещу: наяснѣйшій кроль Полскій, пане мой милостивый, сыне Жигмонта Третего, Владыславе Четвертый, змилуйся надъ утрапеною церковью Всходнею, правдиве кафолицкою, Грецкою, въ панствѣ тутъ вашомъ христіанскомъ найдуючуюся! Рачъ быть ей судьею, самъ не спущаючися ни на кого, принамнѣй такъ, якъ евангелиста святой описалъ о суди и вдовици.

Супликовалемъ правдиве зъ росказаня Бозского въ року 1643, презъ образъ чудовный въ крестѣ Купятицкій Пречистои Богородици, зъ гисторіею Московскою, публице въ сенатѣ до вашой кролевской милости, пана мнѣ милостивого, о успокоене вѣры правдивои кафолицкои Грецкои а о знищене унеи проклятои. Писалемъ и на сейми прошломъ въ року 1645, марца 16 дня, презъ пана Осинского, маршалка, и пана Огинского, воеводы Минского, и презъ иншихъ ихъ милости пановъ сенаторовъ зъ вязеня моего. Которая суплика не вѣдаю, если дошла вѣдомости вашой кролевской милости, пана мнѣ милостивого. А велце потребна.

Пишу и теперъ: змилуйся, кролю Полскій, пане христіанскій! Рачъ въ той справи обачити[7] самъ а усправедливити вѣру и церковъ, правдиве кафолицкую, Всходнюю, въ панствѣ вашомъ тутъ найдуючуюся, ведлугъ воли Божей, гдыжъ запевне гнѣвъ великій Бозскій по цесаріи тутъ надъ тымъ панствомъ пышнымъ короны Полскои срого виситъ. А за тое самое найбарзѣй, же церковъ правдивая Восточная, тутъ въ панствѣ христіанскомъ найдуючаяся, кривды вже незносніи терпитъ. Которая то церковъ, прейзренемъ Божіимъ принявши щасливе крестъ святый за Володимера святого, княжата руского одъ року 987 (якъ Длугошъ, каноникъ Краковскій, въ кройници своей языкомъ латинскимъ, въ роздѣли второмъ описалъ) черезъ шестсотъ и осмъ лѣтъ, благословенствомъ пастыра власного своего, патріархи Нового Рыму Константинополского, ведлугъ артикуловъ вѣры и порядку въ сакраментахъ и календара правдиве кафолицкого, седми сенодами ствержоного и жадной клятвѣ не подпадаючого, въ покою была.

А теперъ, пятдесятъ лѣтъ тылко тому, якъ унея проклятая, для столка сенаторского и для поваги пышныхъ духовныхъ, нещасливе настала и такъ потурбовала панство тое спокойное, же не тылко въ краинахъ, въ князствахъ, повѢтахъ. въ мѣстахъ, въ мѣстечкахъ и въ селахъ селянъ зъ селянами, мѣщанъ зъ мѣщанами, жолнеровъ зъ жолнерами (бо и зъ козаками война внутрная непотребна о томъ была), пановъ зъ поддаными, родичовъ зъ дѣтками, а и духовныхъ зъ духовными, на остатокъ монаховъ зъ монахами - до гнѣву непогамованого приводила, приводитъ и нещасливе розжариваетъ.

А поки жъ того злого будетъ, [з]авжды для Бога треба ся упаметати, треба той злый бѣгъ отмѣнити. Хто тежъ тому не вѣритъ, же естъ страшный судъ Божій? Хто того не вѣдаетъ, же кождому злочинци, бы и найдолшей грассовалъ, прійде ему еднакъ встыдливая заплата? Отожъ и той унеи проклятой завстыдатися потреба за свое еи таковое грасоване и колотнѣ непотребные, межи людми спокойными починеные. Нехай болшей уже не ошукиваетъ, двулично ся указуючи! Нехай любъ

[7] *На полі спасылка - **вейзрити***

на правицу, або на лѣвицу вылучается! Бо вже часъ пришолъ роздѣленя благословенныхъ одъ проклятыхъ, а врихлѣ барзо и страшный судъ Божій наступуетъ. То правдиве именемъ Іисусъ Христовымъ мовлю.

Тылко если пожаданое успокоене церкве Всходнеи правдиве кафолицкои, то есть сенодалнои Грецкои, за причиною Пречистои Богородици и доброти урожоной вашой кролевской милости, пана мнѣ милостивого, початокъ тутъ взявши, ведлугъ воли Бозской и присяги вашой кролевской милости, пана намъ щасливе пануючого, въ скутку зостане; то еще на придане лѣтъ щасливыхъ гнѣвъ справедливый Бозскій зготованый задержится, и благословенство Єго святое обфите выльется такъ на вашу кролевскую милость, пана и добродѣя мнѣ милостивого, якъ и на все панство тое христіанское.

А если, уховай Боже, упоръ якій и окаменелость фараонская противъ такъ значной воли Бозской мЪла бы ся нещасливе оказать, - о, вида жъ! нещасте тому! То, якъ слуга правовѣрный Іисуса Христа, Пана Моего, правдиве мовлю: гдыжъ день Господень, яко сѣть на птахи и якъ злодій, прійде несподиване: будутъ ся люди веселити, женити, будовати, а въ томъ знагла судъ страшный Божій нападе. Треба всѣмъ на тое пилно памятати, и кролемъ.

Писалемъ вже о томъ, що нѣкоторые мовятъ: не належитъ кролю пану до справъ духовныхъ. Належитъ справедливымъ судомъ Божіимъ до выкорененя тои унеи проклятои; бо презъ кролевъ пановъ, за побудкою и порадою небачныхъ духовныхъ Рымскихъ, и подвышшенье еи стало - листами то и привилеями, уніатомъ даными, доводне ся показуетъ.

Хто жъ того не вѣдаетъ, же въ панствахъ направы вшелякихъ нерядовъ, такъ свЪцкихъ, якъ духовныхъ, и сеноды великіе за прейзренемъ Божіимъ, съ помочью христіанскихъ цесаровъ и кролевъ, бывали и бывати маютъ. На Никейскомъ сенодѣ першомъ цесарь Грецкій першій христіанскій Константинъ былъ. На остатокъ, и на Фліоренскомъ зломъ сенодѣ (для того злымъ ся мянуе, же отъ того часу найгоршій гнѣвъ межи Греки и Рымляны станулъ; бо много Грековъ на немъ позабивано торгаючи сенодъ, а то за причиною опата якогось Родиского,

который, зъ двѣма тисячми людей военныхъ на конецъ сеноду притягнувши, намовилъ отца святого папежа Євгенія и розорвалъ добрую згоду, южъ намовленую; а затымъ и форта до Греціи туркомъ поганомъ ся отворила), на Фліоренскомъ, мовлю, сенодѣ всходній цесаръ Іоаннъ Палеоліогъ былъ а заходній Албрихтъ зъ княжатъ Ракускихъ; при тыхъ зъ кролевства Полского Владыславъ Ягеловичъ, а зъ князства Литовского Жигмонтъ, великій князь Литовскій (которого въ Трокахъ забито) и инши панове христіанскіи, такъ особами своими, якъ и презъ пословъ своихъ, бывали и згодне зъ духовными въ справахъ духовныхъ працовали.

Поневажъ теды и теперъ на томъ естъ воля Бога, Творци нашого, въ Тройци святой православно славимого, Отца и Сына и Святого Духа, за молитвами Пречистои Богородици и всѣхъ святыхъ, абы ваша кролевская милость, панъ мой милостивый, пристойне и съ пилностью доглянути рачилъ! О то не до владыковъ, не до бискуповъ, не до арцибискуповъ, ани до жадныхъ становъ зъ духовенства костелного, але власне и мяновите до вашой кролевской милости, пана мнѣ милостивого и побожного Владыслава Четвертого короля Полского, мене, убогого законника, еднакъ же священника Своего, Іисусъ Христосъ пославши правдиве казалъ и каже волати и объяснити о такихъ справахъ своихъ Бозскихъ. Которому то росказаню святому я, нендзный, досытъ чинячи, прикладомъ Мойсея, Ноя и Лота Справедливого, презъ килка лѣтъ южъ волаю, голошу и верещу: змилуйся, кролю Полскій, змилуйся, панъ а панъ мой милостивый, Владыславе Четвертый, рачъ пилне вейзрити въ тые справы церковные а усправедливити вѣру и церковъ Всходнюю, въ панствѣ вашомъ тутъ найдуючуюся, правдиве кафолицкую, бо теперъ пилно того потреба, а то можная учинитъ, ведлугъ воли Бозскои, хотячому.

Нѣкоторыи мовятъ и до мене, нендзного: чому владыки и старшіи отцеве ваши того ся не домовляютъ, але ты взгорженый еденъ? Такъ естъ. Що я виненъ, же, якъ убогого чловѣка Нафана до крола Давида святого (не зъ арцикаплановъ), такъ мене до вашой кролевской милости, пана мнѣ милостивого, Богъ Всемогущій назначилъ и послалъ, абымъ обяснилъ о воли Єго святой? Вѣдомо вашой кролевской

милости, панъ мой милостивый, якъ дорога душа человѣчая у Бога Творца нашого. Самъ Ісусъ Христосъ мовити рачитъ: що за зыскъ человѣку, коли бы ввесь свѣтъ позыскалъ, а душу свою стратилъ; або що человЪкъ дастъ за отмѣну за душу свою и прочее. А ижъ такъ великій народъ христіанскій упоромъ губити, уховай Боже!

А що ся дотыкаетъ костела Рымского въ вынищеню унеи проклятои, теды и въ томъ треба ся приглядЪти, якъ великои въ всемъ костюлъ Рымскій, а мяновите зъ стороны духовнои потребуетъ поправы. О то, безъ вшелякихъ околичностей, треба отцу святому папежови (если хоче правдиве покоры Христовы наслѣдовати), абы, гнѣвъ свой неслушный, справою духа злого утвороный, опустивши и зъ наганою моцно подоптавши. поедналъ ся годне зъ братіами своими, въ одномъ крещеніи святомъ порожеными, патріархами, мовлю, святыми Всходными; гдыжъ они суть старшими, ведлугъ статечности своеи въ вѣрѣ православнои[8] кафолицкой, то естъ, сенодалной, и ведлугъ пятеракой личбы въ братствѣ крестоноснымъ своемъ, а не папежъ - старшій, который одорвавшися самъ одинъ по своей воли ся найдовалъ. Нехай зъ того не хелпится костюлъ Рымскій, же въ достаткахъ и въ славѣ свѣта того плываетъ. Все то дочасное. Нехай и зъ того не выкрикаеть, же такъ великій уросль въ своей воли и долго не былъ караный. Милосердіе то Бозское справовало. Але не маешъ у Его вшехмоцной опатрности ничого прошлого, ничого пришлого: все Онъ свое въ притомности своей маеть. Апостолъ святый мовитъ: день еденъ (у Бога) яко тисеча лѣтъ, и тисеча лѣтъ яко день одинъ. Большей не дишкурую. Гдыжъ ваша кролевская милость, панъ мой милостивый, до тои теперь не належишъ, тылко первѣй до выкорененя унеи проклятои барзо великое старане приложити потреба, абысь владнулъ славою и зъ кролями святыми въ небѣ, памятаючи на тое.

Кролю, пане мой милостивый, мовлю то якъ слуга именемъ Ісуса Христа, Господа моего: недалекось естъ царства небесного! Бо добре ся стало, же легата[9] папезского зъ панства

[8] На полі спасылка - *правдивой*
[9] *На полі спасылка - наместника*

того выслано. Добре и то, же Лубу якогось, на признане чимъ естъ до царя Московского послано, а надто добре, же згоду святую миловать рачишъ, и людій всходнихъ, и Москву. О, зычу упреймымъ сердцемъ и съ повиноваченяся святого зъ ними: гейже, гейже - того зъ жродла сердца моего зычу, гдыжъ благословенный той, который маетъ фамилію въ Сюонѣ и повинніи въ Ерусалимѣ.

Стороны припомненья въ обясненью страшныхъ таемницъ Бозскихъ родича вашой кролевской милости, пана мнѣ милостивого, и въ томъ сродокъ святобливый волею Его святою за причиною Пречистои Богородици и за покорою, вашой кролевской милости, пана мнѣ милостивого, щасливе дознавать будешъ рачилъ. Короля сватого Давида въ наслѣдованю воли Бозской вашой кролевской милости, пану мнѣ милостивому, святобливе залецаю и ражу духовными, добрыми и въ славѣ небеной вѣчными справами ся забавляти, а не дочасными, злыми, то есть: сенодами около узнаня единои въ Христа правдивои церкви и вѣры, а не войнами; бо человѣкъ зъ натуры порожневати не можетъ. А то обое на воли зостаетъ.

Поселъ вашой кролевской милости, пана мнЪ милостивого, до Москвы посланый, якъ въ свѣтлыхъ променяхъ воли Бозскои зъ дару Его святого внутрнымъ окомъ вижу, заровнивается въ одправѣ зо мною, посломъ Бозскимъ. Якъ я, нендзный, выслуханъ и усправедливенъ буду въ справахъ такъ великихъ и поважныхъ Его святыхъ, успокоеню, мовлю, вѣры православнои Грецкои, то такъ и тамъ волею Бозскою ехо паде.

Затымъ воли Бозской и патронству Пресвятѣйшеи Богородици и всѣхъ святыхъ и вашой кролевской милости, пану мнѣ милостивому, въ всемъ баченю высокому, въ побожностяхъ покорного Ісуса Христа наслѣдуючи, покорне ся оддаю и молитвы мои звыклые священнические въ пріемность воли Бозской и вашой кролевской милости, пану мнѣ милостивому, щирымъ сердцемъ оферую. Аминъ.

Тая суплика въ руки кролевскіе отдана естъ, бо въ атласъ зеленый оправлена была и незначне въ карету, ѣдучому съ Подъяздова Двору до замку Варшавского, оддана. Зачимъ ѣдучи помалу самъ всю читалъ, а до замку приѣхавши пану

Пацови у столу казалъ голосно читати. Потомъ одъ многихъ зъ пановъ духовныхъ и свѣцкихъ преписована была, року 1645.

По той суплици листъ мнѣ до турмы одъ незначнои особы, на имя Михаила, по-словенску писаный, оддано въ тые слова:

Пречестный и преподобный о Христѣ Іисусѣ господине отче Афанасій! Подвигомъ добрымъ со Павломъ подвизатися, теченіе совершити, вѣру соблюсти, главы видимыхъ и невидимыхъ врагъ сокрушити и вѣнецъ, уготованный вамъ въ явленіе Іисусъ Христово, со всѣми любящими пришествіе Єго и со глаголавшимъ сіа Павломъ, глаголю, отъ Христа Бога пріати превелебности вашей желаю. Братію превелебности вашей, со Львова возвращающуюся, видѣвъ и лобызавъ; и отъ нихъ яже о превелебности вашей бываемая подробно увидѣвъ и житіе по Христѣ крестоносное и многострадательное, рукою вашею списаное, прочетъ, зѣло утѣшихся и возрадовахся. Не точію о семъ, яко церковъ въ время се раздранно и растерзанно отступническимъ враждованіемъ не лишися исповѣдника, но и о семъ, яко истинно о ней болѣюща, пекущася и страждуща до узъ, яко злодѣй, и язвы на тѣлѣ своемъ носяще, и душу свою за други своя полагающе, ея же любве болѣе что не обрѣте и самъ Богочеловѣкъ Іисусъ Христосъ Спаситель нашъ изрещи. Сицевого, глаголю, породи сына во времена послѣдняя, и между терпѣніемъ толицѣмъ и запустѣніемъ процвѣте цвѣтъ благовоненъ, не толко Рускому народу (аще восхощутъ и возмогутъ видѣти и исповѣдати и Богу благодарити и ревновати), но и всему соборному и вселенскому благочестію - свѣтлосіающаго Сампсона и многокроткаго, во братіи малѣйшаго, но паче всѣхъ достойнѣйшаго Давида. Радуюся о семъ зѣло, и паки реку: радуюся! Но и превелебности вашей глаголю: радуйся о Господѣ и веселися, яко тебѣ единому подобаетъ радоватися, яко единъ зо всѣхъ страдати сподобился еси! Аще ли же апостоли біеми идоша радующеся отъ лица собору, яко за имя Христово сподобишася безчестіе пріати, что азъ возглаголю до вашей радости аще не Христовы словеса: блажени, егда поносятъ вамъ и ижденутъ вы, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще, мене ради, радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ. И понеже многа поношеніа, безчестіа, уничиженіа, еще же и узы темницъ, и палицами

біеніа, и зноемъ изнуреніа, и юродъ быти по Христѣ (да будеши, по Павлу, мудръ), и ина многа страданіа вашей превелебности прочтохъ, - что ино реку, точію со Давидомъ, по множеству болѣзній твоихъ утѣшеніа да возвеселятъ душу твою, и да будетъ мечъ обоюдоостръ на враги, и да не убоишися и не ужаснешися, но всяко изречеши; и не точію имя Христово (яко же мы въ мірѣ, паче же азъ першій), но истинно и смерть по Немъ и по вѣры православной, аще воля будетъ Господня, пріяти удостоишися. Во страшный же день пришествіа Христова съ преподобными восхвалишися въ славѣ и на ложи своемъ возрадуешися, възношеніа Божіа во гортани имѣя и мечъ обоюдоострый во руку твоею, да сотвориши отмщеніе въ языцѣхъ невѣрныхъ, и обличеніе въ людехъ отступныхъ и развращенныхъ, и свяжеши царей ихъ путы, яко же нынѣ связанъ еси, и славныя ихъ ручными оковы желѣзными, и сотвориши въ нихъ судъ написанъ: слава си есть всѣмъ преподобнымъ Єго и любящимъ Єго, и гонящимъ Єго и умирающимъ Єго ради, и не временная, тлѣнная, мимотекущая, но вѣчная, небесная, нетлѣнная постизающимъ. Сіе твоей превелебности, глаголю, сіа ти ся уготовляютъ. Мнози - рече предузникъ твой - въ позирище текутъ, единъ же пріемлетъ почесть. Мнози и въ Русі мнятся тещи, но сидяще и стояще и боящеся текутъ; иніи же и спяще, иніи же и воспять возвращающеся, иніи же и ко противнымъ отбѣгающе; иніи же и паче противныхъ отбѣгше ратуютъ и препинаютъ шествіе къ небеси, и многихъ въ слѣдъ себе отриваютъ, и отъ церкве отторзаютъ, и неотторженныхъ схизматизуютъ, еже есть: отторженныхъ наричутъ, себе же, схизматизанныхъ, сирѣчъ отторженныхъ, стоящихся мнятъ быти, и проповѣдуютъ быти тако, не точію вѣруютъ. Обаче превелебность ваша, всѣхъ сихъ уметы одбигающе, течеши единъ, единъ убо, по Павлу, и почесть пріемлеши и пріймеши. Добрый рабе, благій и вѣрный! въ малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю, внійди въ радость Господа своего, ибо единъ добрѣ дѣлаеши таланта тебѣ въвѣренные. Да поспѣшитъ ти Господь, да вразумитъ тя, да поможетъ ти, да исполнитъ вся прошеніа твоя, и во имя Господа Бога нашего и православіа церковнаго возвеличимся! Стой, мужайся и да крѣпится сердце твое, и уповай на Господа

и на Пречистую Єго Матерь! Той похвала твоя, Той вѣнецъ твой, Той и Матерь Єго да дастъ ти животъ вѣчный! Мы же, яко лѣнивы и боязливы, именемъ точію, не дѣломъ христіане, паче же азъ, всѣхъ меншій, прошу о молитву святую. Имѣхъ же нѣчто ко утѣшенію вашему препослати, но не поспѣши ми ся въ се время, аще же Богъ изволитъ и приключится время и сему возможно быти. Нынѣ же да не стужаю болшимъ писанемъ превелебности вашей. Кончаю, и Христу васъ, себе же молитвамъ святымъ, о нихъ же несумнителне вѣрую, яко не имате запомнити, вторицею и третицею себе вручаю. Зъ келіи, 1 іюня, року 1645. Превелебности вашей всѣхъ благъ небесныхъ и земныхъ желатель присный, Михаилъ многогрѣшный. Титулъ того листу таковый: Преподобному о Христѣ Іисусѣ іеромонаху, господину отцу Афанасію Филиповичу, игумену Берестейскому, обители св. преподобнаго Симеона Столпника, отцу и молитвеннику моему присному, со метаніемъ до земли въ руцѣ честные и преподобные да вручится честне.

Въ приготованю на судъ напродъ, зъ воли Бозской, пересторога кролю пану, а то для того, же мовятъ нѣкоторіи не чинитъ кривды никому, зъ псалма 33:

Уклонися отъ зла и сотвори благо, взыщи миръ и пожени и, очи Господни на праведныя и уши Єго въ молитву ихъ, лицо Господне на творящая злая, же потребити отъ земля память ихъ. Возваша праведніи, и Господь услыша ихъ, и отъ всѣхъ печали ихъ избави ихъ. Близъ Господь сокрушенныхъ сердцемъ и смиренныя духомъ спасетъ. Многи скорби праведнымъ и отъ всѣхъ ихъ избавитъ и Господь. Хранитъ Господь вся кости ихъ, и едина отъ нихъ не сокрушится. Смерть грѣшникомъ люта и ненавидящіи праведнаго прегрѣшатъ. Избавитъ Господь душа рабъ своихъ, и не прегрЪшатъ вси уповающіе нань

Сумма зъ псалму:

Похвалная то речъ зла кому не чинити,
Лечъ при той еще треба добре творити.
Потомъ о волности Божей тыи вѣрши:
Перестерегаетъ Богъ голубкомъ Ноя
И осломъ Валаама, а человѣкомъ своя

Люди упоминаетъ, бы волю святую
Єго ховали, а не якую иную.

ПРИГОТОВАНЕ НА СУДЪ.

Наяснѣйшій кролю Полскій, панъ и панъ мой милостивый! Въ справѣ церкви Всходнеи, обясненя и причины правдивыи зъ утрапеня моего неоднорочного тыи суть:

Щоколвекъ зо мною, нендзнымъ слугою, правдиве (іерей естемъ) до тыхъ часъ дѣялося и дѣетъ, то исъ посланіа мене до Берестья Литовского на ігуменство доводне ся указуетъ, же зъ воли Бога правдивого, Творца моего. Албовѣмъ одъ окрещеняся всея Русі, року 987, же належитъ церковъ Руская, въ панствѣ найдуючаяся, въ послушенство духовное до столици Константинополскои и церкви Всходнеи Грецкои, - на доводъ того - звычай Грецкій въ набоженствѣ, писмо зъ Грецкого Словенское въ заживаню, кройники и права суть.

Съ початку Богу улюбленное писмо лѣвосторонное законное, и церковъ въ церемоніахъ старозаконная, жидовская, же правдивого Месіи не приняла, для того справедливымъ судомъ Божіимъ, зо всѣми еи цѣлопалеными оферами, обрядами и литералнымъ писмомъ, естъ на вѣки выклятая тыми словы: да будетъ домъ вашъ пустъ. За принятемъ зась вѣры въ Христа Господа, напервѣй, одъ всходнихъ людей грековъ, затымъ и писмо южъ правосторонное, всходнее волею Бозскою грекомъ найпервѣй естъ дано. Потомъ зъ писма грецкого писмо латинское, въ всемъ зъ грецкимъ згодное, опрочъ въ нѣкоторыхъ словахъ и назвыскахъ словныхъ якъ бы незгодное, стало, и вѣра една въ Христа Господа, апостолская, кафолическая, Восточная на заходѣ а въ Римѣ естъ принятая. СвЪткомъ естъ писмо-титла, на крестѣ написаная: жидовскимъ, грецкимъ и рымскимъ языкомъ.

Въ панствѣ тутъ съ початку вѣра христіянская, кафолическая, една оріенталная, же за ласкою Божіею одъ всходу и заходу естъ принятая: зе всходу зъ Нового Риму, Константинополя, Русь вся, поводомъ невѣсты Олги Московки, Псковянки, жоны Игора, всеи Русі князя, року 952; одъ заходу зась, зъ Старого Риму поляки, поводомъ панны Дубровки, Болгарки, дочки

Богеміи, за князя Полского Мечислава, року 965. Зъ тыхъ причинъ, одъ одного грецкого писма, Русь - словенскимъ и рускимъ, а поляки - латинскимъ и полскимъ языкомъ, ведлугъ народу и потребы литералной книгъ заживаючи двоякую якобы вѣру чинили, и двояко ся тутъ здавна русь и поляки, звлаща въ набоженствѣ заховали. Свѣдчатъ о омъ права Бозскіи въ звычаю набоженства, и людскіи въ писаню волностій ограничоныхъ. Волности ограничоныи маютъ варунки публичныи въ канонахъ, статутахъ и конституціахъ, а приватныи - въ фундушахъ и привилеяхъ. А такъ Бозское право зъ звычаями Богу Всемогущому полецивши, право писаное людское припоминается мяновите одтоль. Годный святой памяти кроль Жигмонтъ-Августъ, року 1569, за приверненьемъ ся землѣ Волинскои и Кіевскои до Короны Полскои, привиля надаючи имъ, вѣру святую такъ варовати рачилъ: обѣцуемо и повинни будемо достоинствъ, дигнитарствъ и урядовъ въ земли Волинской и Кіевской, духовныхъ и свѣцкихъ, великихъ и малыхъ, такъ рымского, якъ и грецкого закону будучихъ, не уменшати, ани затлумляти, и овшемъ вцѣли заховати вѣчными часы.

По жалосной смерти короля Августа, подъ часъ интерегнумъ на сейми въ Варшави, року 1573 такъ варовано, мяновите наданя церковныи: абы всѣ добра, поданя кролевскіи преложенства костелного, яко то: арцибискупствъ, бискупствъ и иншихъ вшелякихъ добръ, были даваны не иншимъ, одно рымского костела клирикомъ, шляхтичомъ полскимъ, ведлугъ статуту, а добра, церкві грецкои належачіи, той же вѣры грецкои людемъ подаваны быти маютъ. Тыи теды варунки и на конфедераціи принявши и докладнѣй обсталевавши, кролеве ихъ милости полскіи, одинъ по другомъ щасливе на кролевство наступуючи по Августѣ, Генрикъ, Стефанъ и Жигмонтъ кроль, годный святои памяти панъ отецъ вашой кролевской милости, пана моего милостивого, зъ присягою приобѣцати рачили вцѣли заховати вѣру святую тыми словы: а для розрозненя вѣры варовали тое собѣ нѣкоторіи обыватели Коронныи конфедераціею особливою, же въ той мѣри, въ справѣ набоженства, маютъ въ покою быти заховани, которую мы имъ обѣцуемо задержати вѣчными часы. И потомъ зась, по присягахъ своихъ, кролеве ихъ милости

полскіи варовали тыми словы: А покою и тихости межи розрознеными въ вѣрѣ особливе стерегчи будемо, ани жаднымъ способомъ, албо владзою нашою, албо урядниковъ нашихъ, и которого колвекъ стану зверхностью, никого кривдити и утискати въ справѣ набоженства не допустимо, ани сами укривдимо, ани утиснемо вѣчными часы.

Патріархи Константинополскіи, правъ тыхъ пилнуючи и повинностей своихъ пастырскихъ, такъ презъ листы и посланци свои, яко и особами своими, ведлугъ часу и потребы, волею Бозскою завше тутъ навѣжали. Святои памяти годный, святѣйшій патріархъ Іереміа, на волное одправоване справъ духовныхъ въ церквяхъ своихъ и людехъ послушенства своего, въ панствѣ христіанскомъ тутъ будучихъ, року 1589 приѣхавши, порядокъ весь духовный справовалъ, а то и за листомъ кроля его милости Жигмонта Третего, ему на то даного. Которого листу правдивый доводъ кождому, хотячому видѣти, оказуется о то видочне.

Клятва страшная такъ въ канонахъ отцевъ святыхъ, якъ и въ фундушахъ порядку духовного братского, одъ патріарховъ и епископовъ власне належачихъ, правдиве есть въ вѣчность наложона, а мяновите - на тыхъ зрайцовъ и згоршителевъ, которіе бы отступовали и утикали одъ церкве своеи духовнои и вѣры правдивой христіанской поприсяжоной. На тое доводи суть:

Потій, владыка Берестейскій, зъ митрополитомъ Рогозою и иншими товаришами своими, же здрадливе, безъ вѣдомости пастыра своего и парафіянъ своихъ, для власныхъ приватъ своихъ, то есть для гоноровъ рымскихъ духовныхъ и для столковъ сенаторскихъ, хотячи выривати пожитки зъ рукъ свѣтскихъ людей, неналежному и въ набоженствѣ собѣ незвычайному пастыреви, именемъ всей Русі, безрозумне, кламливе оддали послушенство, - на доводъ того листы ихъ до княжата Острожского и до люду посполитого писаны суть.

Кролеве ихъ милость, жалосне въ томъ ошуканы будучи отъ небачныхъ своихъ духовныхъ рымскихъ, же на унею тую во всемъ помагали и отъ клятвы отступныхъ боронили (що если слушне), - привилея унитомъ, на тое даныи, вызнаваютъ.

Унитскіи колотнѣ и злости на розныхъ мѣстцахъ а праве всюды починеные, бо и зъ козаками внутрняя война непотребная о тое жъ была, - на то барзо много доводовъ и протестацій всюды найдуется.

Кроль панъ милостивый, святой памяти годный, Жигмонтъ Третій, панъ отецъ вашой кролевской милости, пана моего милостивого, дивною справою Бозскою, року 1599, правдивыхъ духовныхъ вложоною клятву на униты правдиве ствердивши, тымъ же привилеемъ всѣ обороны уніатомъ потлумити рачилъ. На тое доводы на паргаменахъ суть. Уніаты Рымскому костелови Заходнему оддавши послушенство (што всЪ Богомъ ученыи снадне зрозумѣти могутъ) такъ явными и значными церкви единой святой кафолической, апостолской, Христовой, Божой противниками, злосниками и тиранами стали, же то всѣхъ окрутниковъ и незбожниковъ злости и тиранства выполнили и превышшыли. А мяновите въ тыхъ головныхъ чотырохъ справахъ[10]: же одопхнули мизерне правдивого, единого пастыра Іисуса Христа одъ церкве, Єго власною кровію пренайдорожшою набытой, и одтяли голову сполне Божскую и чловѣчую одъ тѣла Єго (ажъ зъ уруганемъ пышнымъ) а приняли собѣ на тое мѣстце чловѣка едного за пастыра и голову. Другая: же взрушили право посполитое духовное и свѣтское, публичное и приватное, то естъ: каноны, статуты и конституціи, фундуши и привилея, также значне и явне чинячи умнѣйшене и затлумене вѣры правдивой грецкой, бо доложоно того въ листи, отъ отца папежа Климентіа имъ данымъ, абы вже толко ведлугъ сенодовъ Фліоренского и Триденского заховывалися, то естъ: щоколвекъ вже други костелъ Рымскій, Заходній хвалитъ, абы и они хвалили. Похоженіе Святого Духа такъ и одъ Сына, якъ и одъ Отца, сакраментъ святый въ оприсноку подъ единою особою, чистецъ душамъ по смерти огнистый, постъ соботный и иншіи посты розерваныи, безженство капланомъ свѣтскимъ, календару отмѣна, юбеліуши на непопел[не]ныи грѣхи, отцущеніа грѣховъ, и все ведлугъ наукъ вымышленыхъ, новыхъ, папежскихъ, що-рокъ одмѣнныхъ, а не ведлугъ Христовыхъ, апостолскихъ сенодовъ

[10] *На полі спасылка - доводы ляхомъ о отметности вѣры*

седми и каноновъ Отцевъ Святыхъ. Третяя: же цѣлость двомъ тылко реліамъ, мяновите Рымской и Грецкой зъ давныхъ часъ тутъ правомъ наданую и змоцненую, отняли и поторгали. Четвертая: же присязи своей власной, при посвященіи у патріархи выконаной, кламцами зостали.

А такъ уніаты, ведлугъ таковыхъ своихъ поступковъ, явныхъ и значныхъ, явне тежъ одпали и значне пастыра своего власного и церкви Восточной и вѣры православной Грецкой, а притомъ и добръ, церкви грецкой наданыхъ, одпали, называючися вже костела Рымского, Заходнего неслыханымъ въ христіанствѣ именемъ А уніатами, а не церкви Восточной Грецкой - православными христіанами.

Съ тыхъ теды причинъ, Русь незуніованая, опатрностью Бозскою и справою Духа святого постерегши тую субтелную хитрость люципера проклятого и вѣдаючи добре о превротностяхъ его, же можетъ зъ птаха псомъ и лисомъ ся перевернути, зъ лиса волкомъ и лвомъ быти, а зъ лва базилишкомъ и смокомъ пекелнымъ станути, а то зъ тыхъ найголовнѣйшихъ двохъ штукъ познаваючи ((першая: же подъ титуломъ словка того уніа, то естъ подъ именемъ згоды преложоныхъ духовныхъ, на земли будучихъ, и то меншихъ владыковъ, мовлю, зъ бискупами, на тріумфы и процесіи позверховныи (бо не въ набоженствѣ) згажати замыслилъ, обѣцуючи имъ за тое столки сенаторскіе и добра земскіе, и такъ лисавымъ якимся кумовствомъ албо товаривствомъ, первѣй по ялмужну выправуетъ, то есть, фундаціи церковныи, въ шафункахъ и мѣстахъ кролевскихъ будучѣи, одбираетъ и якъ бы, первѣй, опаливаетъ, хотячи тымъ снаднЪй овечки Христовы самому волкови драпежному и смокови пекелному на пожарте вѣчное зъ уруганемъ выдати, прикладомъ оной байки: лишка зъ волкомъ покумалася; гды пошли по ялмужну, волкъ мовитъ: кумо, вполъ дѣлити будемо, - первѣй, ащо мое и твое, то я то зъѣмъ обое. Хто жъ того не знаетъ, же бискупъ и владыко то жъ а то жъ значитъ! А варовано канонами отцевъ святыхъ, же одъ едного пастыра надъ однымъ мѣстомъ два бискупы быти не маютъ. Другая: же подъ титуломъ милости Божей, а тутъ утаилъ якого Бога: чи доброго, чи злого? Людей зъ людми словомъ тылко згажаетъ, а не самою речью; то естъ,

въ милость политичную, свѣтовую, облудную толко приводитъ, а не въ духовную и правдивую; сакраментовъ, мовлю, святыхъ, артикуловъ вѣры и догматъ церковныхъ зъедночаетъ. Хотѣлъ противникъ, правдивую милость розорвавши, тѣмъ снаднѣй церковь Христову и вѣру правдивую въ вонтпливость подавши, зъ памети и розуму людского вырвати, потлумити и на вѣки затратити. Що хотѣлъ былъ учинити и кресту честному, на Голгофѣ горѣ будучому, бо на томъ мѣстцу (яко Метафрастъ и иншіе гисторики свѣдчатъ) каменици былъ презъ жидовъ побудовалъ, которіи зъ трудностью Елена, матка цесара грецкого Константина Великого, ламлючи крестъ Христовъ, знашла року 325)), - тое, мовлю, все вѣдаючи и знаючи ((звлаща науки правдивой слухаючи Іисусъ Христовы, который мовить: аще и око соблазняетъ, исткни е; аще и рука, отсѣци ю)), зачимъ слушне, ведлугъ каноновъ отцевъ святыхъ и права посполитого, духовного и свѣтского, на соборѣ, въ Берестю Литовскомъ порядне одправованымъ, за моцью патріархи и за позволенемъ кроля пана своего одъ духовныхъ и свЪтскихъ людей, универсалне року 1596 октовріа 6 дня зобраный, прикладомъ иншихъ енералныхъ и помЪстныхъ соборовъ въ всемъ поступуючи ((якъ Аріа, презвитера Александрійского, который Іисуса Христа створенемъ чинилъ и ровности зъ Богомъ Отцемъ оному не признавалъ, на Ниценскомъ першомъ соборѣ потоплено на вѣки, бо форумъ мѣлъ; Македоніа духоборца на Константинополскомъ, Несторіа на Ефескомъ, Діоскора на Халкедонскомъ, Оригена на Константинополскомъ, образоборцовъ на Никейскомъ, Гоноріа, папежа Рымского, монотолиту, на Константинополскомъ, Ливеріа, папежа Рымского, аріанина, и Маркелла, балвохвалцу, на Рымскомъ соборѣ помѣстномъ, Гилдебранда, папежа Рымского, который чорнокнижствомъ и на папежство вступилъ, на Бриксинскомъ соборѣ, помѣстномъ анафемѣ вѣчне оддано, бо тамъ форумъ мѣлъ и проч.)), - прикладомъ теды тыхъ соборовъ, о то и уніаты, якъ одорванци, здрайци и непріятеле головныи церкви Всходней, Грецкой, Руской, правдиве тежъ на Берестейскомъ соборѣ помѣстномъ, бо тамъ форумъ мѣли, за неупаметанемся ихъ самыхъ, опатрностью Бозскою правомъ сутъ прекоманы, отъ церкви отлучены и справедливымъ судомъ Божіимъ сутъ

потоплени и клятвѣ на вѣки вѣчныи оддане. Декрета о томъ свѣдчатъ, въ книгахъ великого князства Литовского трибуналскихъ, Новогородскихъ, правдиве вписаніи и найдуючіися. Хрисостомъ святый мовитъ: тамъ найлЪпшая згода, гдѣ гнилость одтинается. А кролюючій Пророкъ мовитъ: всякъ человѣкъ ложь. Алфонсусъ якійсь де-Кастра пишетъ: вшелякій чловѣкъ блудити въ вѣри святой можетъ и самый папежъ.

Року 1638 же былемъ якъ бы для ялмужны на збудоване церкви Купятицкои безъ писаня жадного въ Москвѣ, то власне волею Бозскою и преводомъ Пречистои Богородици, въ крестѣ Купятицкой, а снатъ для того, же церковъ правдивая Восточная, въ панствѣ тутъ христіанскомъ найдуючаяся, за розорваньемъ згоды святой першей, и за унеею тоею проклятою, а барзѣй за наступленемъ презъ утискъ уставичный людей правовѣрныхъ, не толко фундацій, але жадной помочи южъ-южъ не мѣла и мѣти не могла. Въ столици Московской будучи, гисторію повоженя моего подорожного, зъ объясненемъ таемницъ Бозскихъ, замыкаючихъ въ себѣ помочъ утрапленой Всходнеи Церкви, правдиве що написалемъ. Теды и на сейми, року 1643, публице въ сенатѣ въ Варшавѣ, опатрностью Божіею, зъ росказаня Пречистои Богородици, въ крестѣ Купятицкой, презъ образъ Еи святый, супликуючи до вашой кролевской милости, пана мнѣ милостивого, и до иншихъ ихъ милостей пановъ сенаторовъ, о справедливость святую Церкви и вѣры правдивой грецкой правдиве подавалемъ.

Року 1644 до Кракова же ѣздилемъ въ кривдахъ и потребахъ церковныхъ, то естъ: о найстя студентовъ на церковь, о преслЪдоване и бите на улицахъ, о забране кони двохъ зъ возомъ зъ речами на килкасотъ золотыхъ въ Кобриню одъ якогось Облочинского, уніата, а найбарзѣй о урзненье бороды священноинокови и о обнажене діакона и о иншіе деспекта и кривды незносные, одъ того жъ Облочинского и одъ поповъ уніатскихъ починеніи, принамнѣй - о листъ упоминалный жадаючи кроля пана до тыхъ кривдниковъ, а надто - за листомъ, до его милости пана Сапѣги, воеводы Новогородского, писанымъ, и за листами слуги его милости пана Казановского, маршалка, на имя Вавринца Зычевского, юристы, - о привилей

запечатаный на церковъ православную Берестейскую. О томъ всемъ доводы суть правдивые.

Порада побожная, именемъ Іисуса Христа, Откупителя нашего, кролю Полскому Владиславови Четвертому, пану а пану мнѣ милостивому.

Опачное литералное писмо и книги жидовскіи всюды и чорнокнижскіи если бы гдѣ были (бо въ Раковѣ и въ Краковѣ слышать было) въ панствѣ тутъ христіанскомъ, старатися зъ великимъ усилованемъ выгубити, гдыжъ противное естъ Богу правдивому и пришестю второму Єго святому. Имя въ людехъ взнецоное, имени Іисусову барзо противное, а мяновите Ѧ єзуитское, въ панствѣ тутъ христіанскомъ зганити потреба, и старатися, абы єго не было, бо значніи то суть предотечи антихристовы.

Родичови своєму милому, Жигимонтови Третему, святобливую памятку въ каплици годно королевского кошту и ушанованя учинити, а не на слупи. На слупѣ зась томъ образъ Пречистои Богородици чудотворный, Купятицкій, зъ матеріи спижовой, або якъ воля королевская, на избавленіе души пана отца своєго коханого, удатися потреба на молитвы презъ листы до патріарховъ пяти Церкви правдивой, кафолицкой, Восточнои, прикладомъ Феодоры, невѣсты побожной, которая за мужа своєго Феофила, цесара грецкого, образоборцу, тымъ порядкомъ благала маєстатъ Бога правдивого и ублагала. Але то все снадне волею ся Бозскою справитъ, гды соборъ головный зъ Заходу зе Всходомъ будетъ на узнане вѣры и церкви єдиной правдивой, а не такъ, якъ въ Торуню, слѣпый слѣпого провадячій соборъ былъ, бо не всякъ глаголяй Ми: Господи, Господи, внидетъ въ царство небесное, также и мовячій: кафолисъ, кафолисъ [не] естъ правдивый кафоликъ.

Єще на остатокъ о томъ же имени Іисусовомъ мовлю: що то за ліосъ - быти господаремъ въ нерядным дому и паномъ въ своволномъ панствѣ? Добре ся то стало, же десятину зъ плебаній даютъ каплани вашой королевской милости, пану мнѣ милостивому. Значитъ то - понижене гордости Римского панства, и южъ упала.

Зъ седми даровъ Духа Святого лацно познати рядъ правдивый духовный въ пяти патріархахъ и въ едномъ папежу що естъ

Даровъ Духа Святого седмъ: умъ, разумъ, совѣтъ, крѣпость, вѣдѣніе, благочестіе, страхъ Божій

1. мудрость зверхность то естъ: кроль панъ въ панствѣ своемъ.
2. розумъ скарбы добра єго рухомыи и нерухомыи
3. порада рада сенатъ, сенодъ, сеймы, суды вшелякіи
4. мужность моцъ власть, рядъ, реиментъ, офіціери, преложоныи
5. умѣетность слуги подданыи, послушенство, жолдаки, неволники
6. побожностъ похвалы обЪтници, нагороды, данины и заплаты
7. боязнь Божая наганы гроза, выгнане, стручене, муки, каране, потуплене

Богъ Отецъ по Богу во Тройци Святой Єдиный
Богъ Духъ Святый
Богъ Сынъ моцъ на небѣ и на землѣ
слуги на небѣ и на землѣ похвалы на небѣ и на землѣ
зачало премудрости страхъ наганы на небѣ и на землѣ.

1. мужность, моцъ, власть, реиментъ, офіціери, преложенство
2. умѣетность, вѣдомость, слуги, послушенство, подданныи, жолдаки, неволники повинность маютъ згодне зъ собою жити.
3. побожность добрымъ
4. боязнь злымъ въ небѣ на землѣ, то естъ духовная и свѣцкая, аже кождый вѣдаетъ.

Свѣтъ духовный - вѣчный, а свѣтъ свѣтскій - дочасный. Въ свѣтѣ теды невидомымъ - владза вѣчная, въ свѣтѣ зась видомомъ - владза дочасная въ особахъ людскихъ дочасныхъ. Прето жъ волею правдивого Бога Отца и Сына и Святого Духа, Бога, мовлю, въ Тройци Святой Єдиного, православно отъ правовЪрныхъ славимаго, же въ семъ дочасномъ свѣтѣ станулъ реиментъ духовный и свѣтскій надъ душею и тѣломъ человЪку, надъ душею - Богъ Сотворитель, въ Тройци Святой Єдиный, а надъ тѣломъ - человѣкъ, въ смыслахъ здоровый. Смыслы въ человѣку суть духовныи и тѣлесныи; смыслы суть: видѣніе, слышаніе, повоненіе, дотыкане, смаковане.

Тыи смыслы же суть причиною, або слугами до збавеня и до згиненя человѣку, а человѣкъ естъ мудростью Божею и

свѣтомъ малымъ. Который то человѣкъ, гды ся былъ послизнулъ въ раю, презъ тыи оконка смыслу направилъ его самъ собою Сынъ Божій Іисусъ Христосъ зъ милости своей. А направивши далъ всѣмъ людемъ Своимъ на всемъ томъ свѣтѣ видомымъ, ведлугъ пяти смысловъ, пять столицъ на утечку духовную, - то естъ: столицу Іерусалимскую, Александрійскую, Рымскую, Антіохійскую, Константинополскую, и патріарховъ въ нихъ пять на преложенства и на науку духовную всѣмъ людемъ Своимъ, таковымъ порядкомъ, яковый и въ небѣ установилъ былъ пяти архангеловъ зверхнѣйшихъ: Люципера, Гавріила, Уріила, Рафаила, Михаила. А гды зъ нихъ одинъ спалъ зъ неба, ото презъ человЪка наполняючи тотъ хоръ, самъ Сынъ Божій Іисусъ Христосъ сталъ досконалымъ человѣкомъ и архіереемъ вѣчнымъ обоей стѣнѣ, небесной и земной, ведлугъ реченного въ псалмѣ 117: камень, егоже небрегоша зиждущіи, сей бысть въ главу углу, и той естъ фундаментомъ единымъ, головою едною, пастыромъ еднымъ, добрымъ церкви своей святой, то естъ тѣлу своему духовному. Бо церковъ естъ тѣло Христово, по еуангелію: разорѣте церковъ сію и треми денми возвигну ю. Онъ же глаголаше о церкви тѣла Своего, естъ теды Іисусъ Христосъ власне рукою, Соломономъ въ Духу Святомъ видѣною, о которой и написалъ: душа праведныхъ въ руцѣ Божіи, то естъ зъ вѣры справедливыхъ. Ото жъ тая рука Бога и человЪка досконалого о пяти палцахъ здоровыхъ, то естъ властехъ згодныхъ, найдуючаяся, всѣ недостатки людскіи наполняетъ и сама реиментуетъ въ пяти столицахъ свѣта того. А человѣку одному жадному южъ не повѣрилъ, для того, же ся и ангелъ въ небѣ оному зневѣрилъ.

А такъ патріархи тіи вси пять, ведлугъ воли Бозской тутъ на моцъ духовную установленіи, якъ офиціери единого кроля, повинни власне зъ собою жити згодне въ милости братерской, послушне зъ милости братерской, похвалне въ добромъ зъ милости братерской, наганне въ злымъ зъ милости братерской, гдыжъ и цноты головныи чтыри тыи суть: ростропность, мѣрность, справедливость и мужество.

Знати потреба и то, же естъ Богъ добрый, згоды, естъ тежъ Богъ злый, незгоды. Згода - въ особахъ ровныхъ, незгода - въ

особахъ неровныхъ; неровность естъ пыха, ровность - покора; покора естъ жродломъ цноты, пыха - жродломъ нецноты; нецнота - въ Люциперу, цнота - въ Богу правдивомъ. Правдивый Богъ - вѣчне добрый. а неправдивый - вѣчне злый; злый роспорошаетъ марнотравне, а добрый збираетъ пристойне. Добрый якіи скарбы маетъ. такіи и бранцемъ своимъ роздаетъ; злый якіи скарбы маетъ, таки и бранцемъ своимъ роздаетъ. Въ роздаваню Бозскомъ и въ браню людскомъ волность вѣчне зостаетъ.

Ото жъ и ведлугъ того всего лацно познати правду святую, що естъ въ патріархахъ згодныхъ и теперъ пяти (бо въ Москвѣ опатрностью Бозскою россійскій станулъ, наполняючи литеру 5, на мѣстце рымского), и що естъ въ папежу едномъ, который, одорвавшися, самъ столицею своею сталъ непріятелемъ головнымъ церкви соборной Восточной и преслядовцею збытнымъ, презъ умоцованыхъ своихъ, на братію власную свою, патріарховъ, мовлю, гнѣваючися, всѣ каноны и соборы святыи зневажилъ и поотмѣнялъ, то естъ артикулы вѣры, сакрамента святыи, крестъ святый, догмата церковныи, календаръ, и все згола новое, ведлугъ уподобаня себе самого, склѣтилъ. Жалься, Боже! Аминъ.

О фундаментѣ церковномъ, - же спорка естъ, такъ вкоротцѣ вѣдати:

Tu es Petrus et super hanc petram aedificabo ecclesiam meam. Petrus est nomen masculinum, petra – FaemININI generis. Πέτρ естъ то словко грецкое, значитъ - камень мягкій, подлѣйшій, то естъ отъ каменя камень, а самый твердый и дорогій камень по-грецку называется λίθος. Ото жъ на томъ естъ власне уфундована Церковъ Христова, бо такъ царствуючій Пророкъ мовитъ: λίθον, ὃν ἀπεδοκίμασαν οἱ οἰκοδομοῦντες, οὗτος ἐγενήθη εἰς κεφαλὴν γωνίας, то естъ: камень, его же небрегоша зиждущіи, сей бысть во главу углу. О которомъ вѣдаючи добре и діаволъ, гды кусилъ Іисуса Христа, реклъ: ἐπὶ χειρῶν ἀροῦσίν σέ, μή ποτέ προσκόψῃς πρὸς λίθον τὸν πόδα σοῦ, мовитъ: на рукахъ возмутъ тя, да некогда преткнеши о камень ноги твоея. А духъ святый о коронаціи Христовой такъ

мовитъ: ἔθηκασ ἐπὶ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ ϛέφανον ἐκ λίθου τιμίου, положилъ еси на главѣ его вѣнецъ отъ камена честна. Павелъ святый мовитъ: основанія бо иного никто же можетъ положити, паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ.

О другомъ зась каменю мовитъ Пророкъ: πέτρα καταφυγὴ τοῖο λαγωοῖσ, то естъ: камень прибѣжище заяцемъ, и индѢй мовитъ тые слова: ἐκ πέτρασ μέλι ἐχόρτασεν αὐτοὺσ, и одъ каменя меду насыти ихъ. Тыи слова значатъ: super hanc petram aedificabo; на той опоци обѣцуетъ збудовати Іисусъ Христосъ, то естъ - на вызнаню. А вызнане естъ власне Іисусъ Христосъ. Августинъ Святой и Феофилактъ мовятъ, же Іисусъ Христосъ на собѣ Петра святого, а не на Петрѣ Себе фундовалъ.

Моцъ зась звязаня и розвязаня не одному Петрови святому, але и всѣмъ апостоломъ своимъ Іисусъ Христосъ далъ досконалую. Правда, впродъ мовилъ Петрови святому: еже аще звяжеши на земли, будетъ звязана на небесѣхъ, и аще разришиши на земли, будетъ разришено на небесѣхъ. Тыи жъ слова мовилъ и до всѣхъ учениковъ своихъ: елика аще разришите на земли будутъ разришена и на небесѣхъ. А надъ то, по воскресеніи своемъ, презъ замкненіи двери вшедши и мовивши миръ вамъ, дунулъ, мовячи: приймѣте Духъ Святый, которымъ отпустите грѣхи - отпустятся, а которымъ задержите - задержатся. А що мовилъ Петрови св. трикротъ: любиши ли мя, паси агнца моя, паси овца моя, - на тое всѣ докторове церковныи згажаются, же тымъ трикротнымъ пытанемъ направилъ Іисусъ Христосъ Петра святого трикротное запренеся.

О сукцессіахъ зась такъ розумѣти маемо. Якъ Юліушови апостатѣ глупство тое зганено, що повѣдалъ о собѣ, якъ бы душа кроля Александра Великого въ его тѣло вступити мѣла, и онъ былъ Александеръ Великій, такъ и тутъ неслушне, абы Петра святого моцъ духовная мѣла переходити въ папежи. Болшъ не дишкурую, толко похваляю за все Бога, въ Тройци православно славимаго, Ему же слава въ вѣки вѣкомъ, аминь. Пресвятая Богородице, молися о мнѣ грѣшнемъ Афанасіи!

Ведлугъ приготованя на судъ, гды мя не слухано въ справѣ церковной, я тое приготоване, также оправивши въ атласъ, подалемъ, презъ мѣщанина Берестейского, ѣдучому въ карети кролю пану. Лечъ кроль панъ, до рукъ своихъ не принявши, рекъ тые слова: не треба, не треба южъ ничого; казалемъ его выпустити. И заразъ розковано мя. Потомъ панъ полковникъ, забѣгаючи встыду своему, же мя провадилъ безчестне, на ругане благочестіа святого, зъ Берестя пишетъ до намѣстника моего, игуменомъ его мянуючи зъ невѣдомости, абымъ толко въ Берестю не былъ. Которого листу копіа такая съ полского по-руски:

Велебный отче игумене Берестейскій! Зъ росказаня его милости кроля пишу до вашей милости, абы ваша милость послалъ до его милости метрополиты, абы тутъ прислалъ кого свого по того черица, который тутъ сѣдитъ въ везеню, въ Варшави. Его королевская милость, любо заслужилъ великое каране, пущаетъ то мимо себе. Того, еднакъ, потребуетъ по его милости отцу метрополитѣ, абы его въ такое мѣстце заслалъ, жебы въ немъ не моглъ жадныхъ галасовъ робити. Тое ознаймивши вашей милости, пріазни ся вашей милости оддаю. Зъ Варшавы, дня 19 октобра, року 1645. Вашей милости зичливый проатель и служити готовъ. Самоилъ Осинскій, обозный великого князства Литовского, економъ Берестейскій и полковникъ королевской его милости, рукою. Титулъ того листу такій: Въ Бозѣ велебному отцу Давиду, игуменови церкви Св. Симеона въ Берестю оддати. И отдано его, якъ игуменови Берестейскому, мнѣ въ турмѣ.

Въ томъ часѣ, гдымъ былъ волный зъ оковъ и варты, вже надано толко двохъ наглядниковъ, власне потребовали, абымъ утекъ изъ турмы, якожъ и голосы тые были: пустѣте его, если пойдетъ. Зрозумѣвши я тое, умыслне чекалемъ порядного зъ турмы выпущеня а надъ то въ справѣ церковной, ведлугъ воли Бозской, мене выслуханя. Аже презъ килка недѣль изъ турмы не выпущано и въ справѣ церковной не слухано. Писалемъ до розныхъ ихъ милостей пановъ сенаторовъ, при боку кроля пана на тотъ часъ будучихъ, мяновите: до его милости пана Казановского, маршалка, пана Рылского, подкоморого Коронного, пана Осолинского, канцлера Коронного, и до наяснѣйшого

кролевича, пана молодого, и иншихъ ихъ милостей пановъ сенаторовъ, наветъ - до невѣстъ побожныхъ, до панеи Казановской и до иншихъ паній сенаторскихъ писалемъ, просячи о причину, бы мя его кролевская милость, панъ мой милостивый, въ справѣ церковной выслухати рачилъ. Зъ которыхъ листовъ, снатъ, кролю пану дойшла была вѣдомость потребы моей, и южъ былъ отъ него терминъ назначоный въ четвергъ - слухати мене въ справѣ церковной. Лечъ подобно панове сенаторове не радили слухати, указуючи кролю пану, же то речъ великая - съ подлою особою трактовати о томъ неслушне. И гды кроль панъ того жъ тыдня, въ суботу на ночъ, поѣхалъ на ловы, я тое приготоване въ тыждень, въ пятокъ, послалъ до пана канцлера Коронного, который принявши, не вѣдаю, если же читалъ тое самъ, албо нѣ, толко вѣдаю, же ѣздилъ рано въ пятокъ до езуитовъ на пораду; бо езуиты, по обѣдѣ, до турмы до мене пришли строфовати, же такъ беспечне галасую. Назавтрее, въ суботу въ обѣдъ, панъ канцлеръ, въ дорогу мя выправуючи, пять таляровъ до турмы прислалъ и листъ универсалный, въ тые слова:

Владиславъ Четвертый, зъ ласки Божей король Полскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Мазовецкій, Жмоитскій, Инфлянскій, Смоленскій, Черниговскій а Шведскій, Готскій, Вандалскій дѣдичный король. Всѣмъ вобецъ и кождому зособна, кому то вѣдати належитъ, а особливе старостомъ, подстаростимъ, борграбимъ, державцомъ, бурмистромъ, войтомъ, райцомъ, лавникомъ мѣстъ, мѣстечокъ и селъ нашихъ, дозорцомъ и ихъ намѣстникомъ ознаймуемо. Естъ то выразная воля и росказане наше кролевское, абысте тому чернцови, которого до велебного метрополиты Кіевского, зъ придаными собѣ зъ гвардіи нашое двѣма драганами, одсылаемо, кони на подводы три, будь зъ возомъ, будь безъ воза, якь собѣ дати роскажетъ, давали и обмышлевали, безъ жадного омѣшканя и трудности. Назадъ зась ѣдучихъ до службы нашей тыхъ же драгановъ, абысте волно и безпечне всюды презъ даваня подводъ (людскость имъ только, якъ жолдакомъ нашимъ, освѣдчаючи) препущали, иначей [не] чинячи, для ласки нашое и съ повинности своей. Данъ въ Варшави, дня 3 мѣсяца новембра, року Господня 1645, пановання нашого полского

13, Шведского 14 року. На власное его кролевской милости росказане Єрій Осолинскій, канцлеръ великій Коронный[11].

Причины поступку моего таковыи въ церкви святой Печаро-Кіевской чудотворной, на Воздвиженіе Честнаго Креста, року 1646:

1. О укрѣпляющимъ мя Іисусѣ Христѣ жаль незносный знялъ въ кривдЪ церкви правдивое.
2. Абымъ речъ правдивую, волею Бозскою зачатую, правдиве, ведлугъ силъ немощныхъ моихъ, въ совершенство и до увѣреня правовѣрнымъ духовнымъ и свѣцкимъ людемъ привелъ.
3. Абымъ звитяжцею о імени Іисусъ Христовѣ могъ стати надъ унеею проклятою.
4. Абымъ указалъ видочне, же то въ той справѣ церковной не зъ привати якой чиню, але власне дла Бога Творца моего.
5. Абымъ уругане зъ себе знеслъ въ тыхъ, которіи мовятъ: дурный то чинитъ и довѣдался одъ кого и за що терплю изгнаніе.
6. Абымъ пыху въ своихъ си покорилъ покорою презъ мене Іисусъ Христовою.
7. Абымъ статечность мою въ справи Бозской, волею Єго святою мнѣ врученой, заховалъ и въ часи певномъ указалъ.

Ово згола въ всемъ воли моего Бога Іисуса Христа чинити предсявзялемъ зъ молитвами Пречистои Богородици, особливе презъ образъ Єи святый чудотворный, въ крестѣ изображенный, Купятицкій. Болшей до себе не знаю; толко въ всемъ воли Бозской и преосвященству вашему покорне себе полецаю. Афанасій Филиповичъ, игуменъ Берестейскій.

З листу Михаила, побожного человѣка, зъ Замостя писаного, до Давыдіа, намѣстника моего, до Берестя, речъ си зменкуючую о мнѣ грѣшномъ Афанасію, о вѣры православной а унеи проклятой, и о старшихъ нашихъ - каждый нехай зрозумѣетъ, для чого то въ церкви Печеро-Кіевской, на Воздвижене Честнаго Креста Господня, при архіерею и сенатори такомъ,

[11] *Да гэтага вольнага ліста была прыкладзена пячатка вялікага Каронага Канцлера.*

попущеніемъ Божіимъ, отъ особы недурной, суплика крвавая ся стала, выписуется въ тые слова:

Извѣствуете превелебность ваша, яко пречестный отецъ Афанасій отъ узилища раздрѣшенъ иновѣрныхъ, въ узы послася единовѣрныхъ до Кіева. Се нѣсть ми дивно и чудно, яко и Христосъ Господь нашъ сіе пострада: не бо отъ невѣрныхъ, но отъ вѣрныхъ и своихъ Ему преданъ бысть въ руцѣ человѣкъ грѣшныхъ. И хощете послати, да возвращенъ вамъ будетъ отецъ игуменъ вашъ. Не будетъ - вѣруйте ми. Развѣ аще тако есть воля Божая А паче же глаголю и да не пророчествуетъ о имени Господни и о вѣри православной сотворятъ ему. Аще же восхощетъ пророчествовати, умретъ скорѣе яъ рукахъ ихъ, нежели отъ туждыхъ. Обаче о семъ о молитву просите и пречестнаго отца Кирилла. Глаголю: яко аще вѣруете, тако быти вамъ отъ сихъ молитвъ; по вѣри вашей буди вама, ибо Богъ, кромѣ молитвы, вѣсть еще, аще кто проситъ Его что, точію да творитъ волю Его; вы же творите, яко вѣрую - вѣруйте и вы, яко то пріймете. Пророчествуетъ господинъ отецъ Афанасій, яко унія погибнетъ. Сему бы вѣровалъ, аще бы достоинство наше видилъ; но не вижду и не смѣю вѣровати во конецъ. Чесо ради речете? Сего ради, яко наша Русь сего не хощетъ; паче же старийшины. Что бо есть, еже не хощутъ вамъ отъ Кіева пречестнаго господина отца игумена вашего послати вамъ. Се есть яко на унею рать творитъ: иже убо не хощетъ ратовати на унею, хощетъ унею; сего ради старийшины наши хощутъ унею, аще не словомъ, но дѣломъ, еже горѣе.

О СМЕРТИ

Славнои памяти небожчика отца Афанасіа Филиповича, ігумена Берестейского православного (повѣсть презъ послушниковъ его списана), року 1648 сталой, подъ часъ безкрулевя.

Штосмо очима нашими видѣли и што одъ другихъ тежъ особъ могли ся вывѣдати - о мукахъ и зейстю зъ сего свѣта небожчика отца Афанасіа ігумена нашего, тое пишемъ и свѣдчимъ. Не пишемъ о житію его и справахъ, о которыхъ и сами вѣдаютъ всѣ, и скрипта тежъ небожчиковскіе о томъ опѣваютъ достатечне, а мы тутъ толко о мукахъ и смерти его,

если бы хто прагнулъ вѣдати теперъ албо напотомъ. Напродъ теды, абысмо порядокъ справы въ той справѣ нашой заховали, припоминаемъ и тое: одъ оного часу, яко славной[12] памети наяснѣйшій Владиславъ Четвертый, король полскій, заслалъ былъ небожчика отца ігумена зъ Варшавы до Кіева, мѣшкалъ тамъ неисходимо, ажъ до смерти святой памети господина отца Петра Могилы, метрополиты Кіевского. Потомъ приѣхавши его милость отецъ Пузына, епископъ Луцкій, до Кіева на погребъ метрополитанскій, взялъ его зъ собою до Луцка, яко до своей діецезіи належачого, и взась до Берестя, за прозбою нашею и за прозбою братства свѣтского, до насъ на ігуменство прислалъ.

Отъ, хтось недобрый въ томъ часѣ збурилъ войну зъ козаками. И повстало великое преслѣдоване и непотребная суспиціа на бѣдную Русь отъ іновѣрныхъ по всей Коронѣ Полской и великомъ князствѣ Литовскомъ. Ничого жъ небожчикъ отецъ ігуменъ южъ противного и не мовилъ противко уніатомъ: сидѣлъ собѣ тихо въ монастыру подъ часъ тотъ трвожливый. Алитъ панове судовые каптуровые воеводства Берестейского, за уданемъ пана Шумского, капитана на тотъ часъ гвардіи кролевской, прислали особъ килка шляхты до монастыра нашего, абы его взяли до замку. А былъ на тотъ часъ день соботный, мяновите - першій іюля, и одправовалъ самъ небожчикъ – литургію въ храмѣ Рождества Пречистои Дѣвы Богородици въ другомъ своемъ монастыру. Кгды теды обачилъ тую шляхту въ церкви, которая по него пришла была, а власне подъ часъ спѣваня Иже хоровимъ, стоячи у престола, стрвожился былъ собою барзо, и, якобы въ запомнене пришовши, стоялъ много, ничого не одправуючи, моглъ бы другій разъ еще пѣснь херовимскую проспѣвати. Потомъ взась одправовалъ, и всю оную литургію порадне скончилъ. А по скончену выслухалъ шляхты, же по него пришла была. И заразъ, изъ церкви не отходячи нигдѣ, а взявши зъ собою и другого брата, пошолъ до замку. Тамъ же, гды передъ пановъ судовыхъ пришолъ, почалъ былъ впродъ до нихъ нисходително мовити и, зъ многою ихъ честію, приводити оное, яко Павелъ святый былъ передъ королемъ Аггриппою и щасливого себе

---

[12] *Іншай рукой пазьнейшая прыпіска - **святой***

розумѣлъ, же передъ нимъ мѣлъ оповѣдати. Але оные панове судовые згордили небожчика ігумена тою мовою и, не слухаючи далѣй, казали інстигаторови, помененому пану Шумскому, справу противъ ему - о посылане якихсь листовъ и пороху до козаковъ - зачати и доводити. А отецъ ігуменъ на тое (то естъ мовитъ): Милостивые панове! Удане и змышленая речъ, абымъ я мѣлъ албо листы, албо порохи до козаковъ посылати! Але такъ маете всюды свои мытники, шлите жъ собѣ до нихъ, нехай они признаютъ, если я коликолвекъ куды порохи провадилъ. А стороны листовъ - нехай ми тутъ доводъ якій на тое покажетъ, абымъ ихъ посылалъ, яко повѣдаетъ. Послали теды заразъ того інстигатора своего и иншихъ при немъ, абы монастыри наши обадва страсли и пошукали тыхъ листовъ и пороховъ. А кгды ничого тамъ не знашли и назадъ южъ одходили, выригнулъ свою злобу тотъ інстигаторъ и реклъ до гайдуковъ своихъ: ей, бодай васъ позабіано, же не подкинули есте якого ворка пороху и не повѣдили, жесмо то тутъ у черницовъ знашли. Обачили затымъ и самые панове судовые, же не было жадного на тое доводу, але простая толко и словная мова. а праве ѧ явный потваръ. И дали тому покой.

А о иншую речъ почали пытати и мовили: але тысь то унею святую ганилъ и проклиналъ? Отповѣдаючи на тое небожчикъ отецъ ігуменъ, а напродъ знаменіе великого креста на собѣ положивши, реклъ до нихъ: Чи по то есте, милостивые панове, казали мнѣ до себе прийти, щомъ я ганилъ и проклиналъ унею вашу? Я щомъ на сеймѣ у Варшави передъ королемъ его милостью, паномъ своимъ наяснѣйшимъ, Владыславомъ Четвертымъ, и сенатомъ его пресвѣтлымъ мовилъ, и завше всюды оголошалъ по воли Божой, тое жъ и передъ вами теперъ твержу: проклятая естъ теперешняя унея ваша, и вѣдайте о томъ запевне, если еи зъ панства своего не выкорените, а православной церкви Всходней не успокоите, гнѣву Божого надъ собою заживете. А тое мовилъ великимъ голосомъ, абы и тые, которые тамъ оподаль были, добре могли слышати. Заразъ теды тамъ нѣкоторые на тые слова его крикнули: стяти, чвертовати, на паль вбити такого схизматика! И южъ почали было его оденъ до другого пхати и шарпати. А панове судовые всѣмъ казали на часъ зъ избы уступити. И намовившися зъ

собою, мовятъ до отца ігумена: годен есь, абы тя заразъ тутъ ганебная смертъ поткала, яко жъ тя тое и не минетъ. А теперъ до вязеня тя взяти кажемо, ажъ вѣдомость якую будемо мѣти зъ Варшавы. Тамъ того теды брата, который зъ нимъ былъ, волнымъ учинили, а его до цекавзы до вязеня въ томъ же замку Берестейскомъ отдано року отъ Нароженя Іисусъ Христова 1648, мѣсяца іюля першого дня.

Въ килка дній зась потымъ еще и кайданы на ноги вложити казали, и такъ въ ономъ вязеню седѣлъ ажъ до дня пятого мѣсяца септемврія того жъ року. А тымъ часомъ небожчикъ посылалъ зъ вязеня рази килка одного зъ насъ брата до пановъ судовыхъ, просячи, абы одно зъ тыхъ двохъ речей для него учинили: албо жебы кайданы зняти казали, албо жебы зъ цекавзы выпустили; а въ кайданахъ поты ходити обѣцовалъ, поки сами схочутъ. То онъ чинилъ для тоей власне причины, яко намъ самъ повѣдалъ, абы досвѣдчилъ ихъ и зрозумѣлъ, если бы отмѣнили южъ упору своего щоколвекъ стороны унеи. Бо если, -мовитъ, - такъ ласкаве зо мною поступятъ, же бы мя албо зъ кайдановъ, албо зъ турмы уволнили, и слова мои, противъ унеи речоные, знесутъ и приймутъ; если зась на тую мнѣйшую речъ не хочутъ позволити, певная же и на болшую не позволятъ, и еще при унеи моцно стоятъ; а затымъ и о покою, - мовитъ,- бынамнѣй собѣ тушити не можемъ, который отъ насъ въ томъ панствѣ власне для унеи естъ отнятый и для кривды церкви матки нашеи православной. Для того жъ онъ, кгды видѣлъ, же на жадную речъ не хотѣли позволити, смѣле южъ почалъ мовити: не выйдетъ зъ того панства мечъ тотъ и война, ажъ муситъ конечне унея шію зломити, а благочестіе зась незадолго, дастъ Богъ, заквитнетъ; ей, ей, заквитнетъ, а унея прудко згинетъ! И часто такъ бывало, гды обачитъ шляхту, до нихъ зъ цекавзы презъ окно волаетъ. Пришолъ разъ до отца ігумена тотъ же братъ, который въ той справѣ до судовыхъ ходилъ, и повѣдаетъ ему, же не хотѣли васъ панове ани зъ кайдановъ, ани зъ турмы уволнити, ажъ ся война зъ козаками успокоитъ. А пришла была на тотъ часъ до него и шляхта за тымъ братомъ слухати, що тежъ на тое отецъ ігуменъ отповѣдитъ. А онъ заразъ при всѣхъ реклъ то: не успокоитъ бо ся тая война, бо не хочутъ унеи зъ панства

своего выкоренити. Шляхта, отъ него то почувши, рекла: вей, якій схизматикъ! И заразъ пошли отъ него до суду.

Разъ, при бытности ксіонженціа и бискупа, которыхъ тутъ не именуемъ[13], казали панове судовые небожчика въ кайданахъ таки привести передъ себе. И запыталъ его тотъ бискупъ, если бы проклиналъ унею? И признался небожчикъ до того, мовячи: такъ бо и естъ, же проклятая. А онъ, не хотячи его слухати далѣй, рекъ: будешъ языкъ твой ютро передъ собою въ катовскихъ рукахъ видити. И взась казали до вязеня отвести и всадити.

Когды потымъ день четвертый мѣсеца септемвріа въ томъ вышпомененомъ року минулъ, а ночъ пятого дня наступила, взято небожчика отца ігумена оной ночи зъ вязеня и, съ кайдановъ росковавши, до обозу запроважено. А первѣй нижели его до обозу взято, повѣдають, же езуиты, вѣдаючи южъ о его смертя, тои жъ ночи приходили до него до вязеня, яко звыкли и завше чинити, и напродъ его тамъ словами и обѣтницами отъ вѣры отводили православной, а потымъ и огненными муками страшили. Але ничого, за ласкою Божею, не справивши, сами назадъ одойшли, а студента своего еще за нимъ посылали, доганяючи, абы ся былъ намыслилъ и не далъ губити себе. На що имъ онъ такъ одповѣдити казалъ: нехай езуиты вѣдаютъ о мнѣ такъ: якъ имъ мило естъ въ сегосвѣтнихъ роскошахъ мѣшкати, такъ мнѣ мило теперъ на смертъ пойти.

Тамъ зась въ обозѣ що ся зъ нимъ дѣяло, такіе голосы носятся посполите межи людми. Кгды его той ночи до обозу южъ было припроважено, и до пана воеводы Берестейского[14], на тотъ часъ тамъ будучого, оддати его хотѣли, панъ воевода не хотѣлъ его до себе брати, и такъ реклъ: по що сте его до мене привели? Маете южъ въ рукахъ своихъ, чинѣте жъ собѣ зъ нимъ, що хощете! Кгды теды южъ такъ былъ выданый отъ старшого, взяли его до себе тые, которые крви его давно прагнули, и вели его до борку, который недалеко былъ отъ обозу, а одъ мѣста въ чверть милѣ ѣдучи до села Гершоновичъ, въ

[13] *На полі прыпіска- **бискупъ Луцкій-Гембицкій, ксіонже канцлеръ Радивилъ***
[14] *На полі прыпіска - **воевода Масальскій***

лѣвой сторонѣ. Тамъ его сами напродъ пекли огнемъ, а гайдукъ оденъ стоялъ тамъ на тотъ часъ оподаль и слышалъ голосъ небожчика отца ігумена, а онъ имъ щось грозно одповѣдалъ на мукахъ оныхъ. Потымъ зась заволали и гайдука того, и казали му мушкетъ набити двома кулями. Тамъ же передъ нимъ заразъ и долъ казали наготовати. Доперожъ спытавши его впродъ, если бы ревоковалъ словъ своихъ стороны унеи, а кгды имъ одповѣдилъ: щомъ южъ реклъ, томъ реклъ и зъ тымъ умираю, казали тому гайдукови, абы въ лобъ му стрѣлилъ зъ мушкета. Гайдукъ, зась видячи, же то естъ духовный и знаемый ему добре, еще ся зъ тымъ не квапилъ, але первѣй о прощеніе и благословеніе его просилъ, а потымъ въ лобъ до него выстрѣлилъ и забилъ. О чомъ всемъ самъ тотъ гайдукъ певнымъ и вѣры годнымъ людемъ повѣдалъ, а мы южъ отъ нихъ ся довѣдали и тутъ написати казали. То дивная, що повѣдалъ тотъ же гайдукъ: же небожчикъ, южъ пострѣленый двома кулямы въ лобъ на выліотъ, еще, спершися о сосну, стоялъ часъ якій о своей моци, ажъ его впхнути въ онъ долъ казали. А и тамъ - мовитъ - еще ся самъ лицемъ въ гору обернулъ, руки на персяхъ на крестъ зложилъ и ноги протягъ, якосмо тежъ его напотомъ такъ власне лежачого и знашли на томъ мѣстцу. Той зась ночи, коли его трачено, великій страхъ былъ на насъ и на всѣхъ мѣщанъ, зъ тихъ мѣръ, же ночъ была погодная и на одну стопу хмуры нигдѣ не видати было, а блискавица барзо страшная была и великая по всемъ небѣ. Казали тежъ были панове всѣмъ цехомъ и гайдукомъ зобратися и въ ринку цѣлую ночъ напоготовю стояти, и тые теды всѣ оные страхи на небѣ видѣли и повѣдали о нихъ. Сами зась шляхта и жолнере, на то назначоные, другою брамою потаемне на тотъ часъ выпровадили небожчика отца игумена зъ замку на Замухавча, и вышречонымъ способомъ его стратили на мѣстцу помененомъ.

А такъ лежалъ небожчикъ въ невѣдомости нашой безъ погребу одъ дня пятого септемвріа ажъ до дня першого мая, презъ мѣсяцей осмъ. Вѣдалисмо, же его южъ немашъ на свѣтѣ живого, але не вѣдали, гдѣ его было тѣло, ажъ хлопецъ оденъ, въ лѣтехъ семи албо осми, указалъ намъ тое мѣстце, гдѣ было загребено. А хотѣлисмо напродъ довѣдатися, если онъ

естъ власне, або хто иншій, иже бысьмо потаемне могли его зтоль выпровадити, бо то езуицкій былъ грунтъ, на которомъ тѣло его лежало. Прето жъ, дочекавши ночи, одкопалисмо его и, познавши, же онъ естъ власный, заразъ на иншое мѣстце взялисмо его зтоль. При тѣли тежъ ничогосьмо зъ вещей не найшли, кромѣ того, же тылко кошуля его была, и то вся подраная, а папуцъ оденъ. Назавтрее зась, за позволенемъ его милости пана Фелиціана Тишкевича, пулковника хоругвій повѣтовыхъ Берестейскихъ, припровадили его до своего монастыра Рождества Пречистои Богородици. А въ килка дній потымъ, въ храмѣ преподобного отца нашего Симеона Столпника, на правомъ крилосѢ, въ склепику поховали, напродъ погребъ ему ведлугъ порядку церковного одправивши[15]. Тамъ же и до тыхъ часъ тѣло его, благодатію Божею, безъ сказы захованое знайдуется.

Знаки зась муки и смерти его на тѣли тыи сутъ: подъ пахами зъ обохъ сторонъ кости голые, а трохи тѣла мѣстцами зостало, и то одъ огня зчорнѣло барзо; потымъ въ головѣ дирокъ три - двѣ близко уха зъ лѣвой стороны, такъ великихъ, якъ бы куля мушкетовая, а третья зъ правой стороны, за ухомъ, южъ далеко болшая, нижли першіе двѣ; лице ему пречъ зчернѣло все одъ пороху и отъ крвѣ: языкъ зъ рота межи зубы троха выйшолъ и тамъ присохъ: дорозумѣваемся причины, же живого его еще загребли, и для великои трудности въ умираню, тое ся стало.

Богъ благодатію Своею и насъ нехай змоцнитъ въ благочестіи и дастъ терпливость для имени Єго Святого. Аминъ.

НАДГРОБОКЪ

отцу Афанасію Филиповичу, ігумену Берестейскому, въ року 1648 зешлому

О, Матко моя, Церкви Православна,
въ которой правдиве мѣшкаетъ Богъ здавна,
тобѣмъ помагалъ речью и словами
я, Афанасій, и всѣми силами,

[15] *На полі спасылка - **мая 8-го, на Іоанна Богослова***

а найвенцей въ томъ своего стараня
зъ Бозскогомъ власне чинилъ розказаня,
абы не была унея проклятая
тутъ, толко ты, одна Церкви святая!

Теперь мусилемъ южъ такъ уступити,
о кривду твою будучи забитый
отъ рукъ шляхетскихъ подъ часъ козаччизни
въ Берестю Литовскомъ на своей отчизни.

Предсе ты, Церкви, туши добре собѣ,
Богъ еще будетъ самъ помоченъ тобѣ,
найзритъ зъ Своеи святои столици[16]
до тебе, бѣдной, скажоной винници.

Онъ ми далъ, жемъ сталъ въ Вилни законникомъ,
тутъ игуменомъ, а впродъ священникомъ,
Тотъ, же ми казалъ и теперь знать давати,
же южъ пришолъ часъ Сионъ ратовати.

Аминъ.

[16] *На полі верш: **Хто въ сердцу имя Христово мѣть буде, того Онъ въ царствіи своемъ не забуде.***